
ГОРНИЧНАЯ
Li Si

Li Si

Горничная

«Литнет»
2026

Si L.

Горничная / L. Si — «Литнет», 2026

У неё — только гордость и мечта. У него — власть и уверенность, что всё покупается. Роман нанял Дарину, чтобы сделать её послушной тенью, но встретил равного противника. Она не продается. А он не привык проигрывать. Когда работа превращается в одержимость, правила игры меняются навсегда.

© Si L., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Теснота 5
Глава 2. Прыжок в неизвестность 8
Глава 3. Жестокая реальность 11
Глава 4. Грязная работа 15
Глава 5. Мальчишник в Люксе 18
Глава 6. Столкновение 21
Глава 7. Послевкусие 24
Глава 8. Возвращение «хозяина жизни» 28
Глава 9. Хаос в империи 31
Глава 10. Неожиданный визит 34
Глава 11. Сомнения 37
Глава 12. Смена декораций 40
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Глава 1. Теснота

— Даринка, ну ты чего замерла? Опять в облаках витаешь? — Голос мамы, звонкий и немного дребезжащий от усталости, донесся со стороны теплиц. Она выглянула оттуда, вытирая раскрасневшееся лицо подолом длинного передника.

В их деревне, носившей непритязательное название Порушное, небо всегда казалось на размер меньше, чем нужно. Будто старый шерстяной свитер, который после неудачной стирки сел и теперь нещадно давил в плечах, мешая дышать полной грудью. Городские туристы, изредка забредавшие в эти края, восхищались видами: сочные луга, старые ивы у пруда, закаты, пахнущие парным молоком. Но для восемнадцатилетней Дарины Сиреневой этот «живописный рай» ограничивался десятью сотками чернозема. Земля здесь была полноправной хозяйкой. Она не интересовалась амбициями или мечтами — её волновало лишь то, когда Дарина в следующий раз возьмет в руки тяпку.

Дарина вздрогнула и поправила сползающую лямку старого сарафана. Август в этом году выдался беспощадным. Стояла последняя декада месяца — то самое время, когда лето, осознав свой скорый уход, начинало жарить с удвоенной силой. Кожа Дарины, от природы смугловатая, под лучами палящего солнца приобрела оттенок темной бронзы, а на плечах россыпью горели мелкие родинки. В детстве младшая сестра Вика соединяла их фломастером, уверяя, что это карта звездного неба. Дарина тогда лишь смеялась, а сейчас, чувствуя, как лямка натирает одну из таких «звезд», думала лишь о том, как бы скорее закончить работу.

— Я не витаю, мам. Я провожу инвентаризацию сорняков, — отозвалась девушка, стараясь, чтобы голос звучал бодро, несмотря на ноющую спину. — Судя по их количеству и наглости, они планируют захватить мир, начав с нашего огорода. У них тут явное численное превосходство.

— Ох, вечно ты со своими шуточками, — Марина вздохнула, но в уголках её губ заиграла слабая, едва заметная улыбка. — Шла бы лучше в дом, Вике помоги. Она там с банками воюет, пар стоит — не продохнуть.

Дарина бросила тяпку в межу и посмотрела на свои руки. Сухие, крепкие, с чуть загрубевшей кожей на ладонях — результат бесконечной помощи родителям. При росте сто семьдесят сантиметров она казалась хрупкой, но это была обманчивая, «жилистая» хрупкость. Физический труд сделал её тело атлетичным: мышцы на руках и ногах были сухими и четко очерченными.

Её главная беда — волосы — сейчас представляли собой каштановое, пушистое облако. Густые, волнистые и безнадежно пористые, они реагировали на малейшую влажность, превращаясь в неуправляемую гриву. Дарина затянула их в тугой, злой узел на макушке, но мелкие пряди всё равно выбивались, щекоча шею.

Зайдя в дом, она словно попала в сауну. Воздух здесь был настолько густым от запаха уксуса, укропа и смородинового листа, что его можно было резать ножом. Вика, младшая на два года, стояла у плиты, напоминая маленького, взмыленного эльфа. Её светлые волосы прилипли к вискам, а лицо было пунцовым от жара.

— О, пришла подмога, — Вика вытерла лоб тыльной стороной ладони. — Дарин, сними кастрюлю, у меня сейчас руки отвалятся. Эти банки скоро начнут мне сниться в кошмарах.

Дарина легко подхватила тяжелую емкость и переставила её на стол. Сила в её движениях была привычной, будничной.

— Вик, ты как хочешь, а я в этом году — последняя гастроль, — произнесла она, решительно беря чистое полотенце. — В апреле мне стукнет девятнадцать, и я категорически отказываюсь праздновать это событие, нарезая салат «Оливье» для местных трактористов. Это мой личный предел прочности.

Вика грустно усмехнулась, аккуратно расставляя крышки.

— И куда ты? В город? Мама вчера говорила, что в агротехническом колледже в райцентре недобор. Мол, и специальность верная, и к дому близко...

— Агротехнический? — Дарина фыркнула, проверяя чистоту банок с такой тщательностью, будто это были хирургические инструменты. — Ты серьезно, Вик? Мама хочет, чтобы я еще четыре года изучала тонкости осеменения коров и правильного хранения силоса? Нет уж. Я хочу в парикмахеры. Хочу, чтобы мои руки пахли дорогим парфюмом и лаком, а не мазутом и землей. Хочу в настоящий, большой город.

— Там всё по-другому, — тихо отозвалась Вика, и в её карих глазах отразился неподдельный страх. — Там за каждый вздох платить надо. А у нас из всех богатств — только папина верность колхозу да мамина зарплата из сельмага.

Дарина подошла к сестре и крепко, до хруста, обняла её. Вика была её единственной слабостью, единственным якорем. Именно ради неё Дарина была готова на этот прыжок в неизвестность.

— Прорвемся, мелкая. Я не дам тебе здесь завянуть. Мы Сиреневы, в конце концов. Должны же мы где-то цвести, кроме этого проклятого огорода?

История их родителей была классикой деревенской романтики, лишенной глянца, но наполненной тяжелым смыслом. Павел Сиренев был тем типом мужчин, на которых держалась вся округа. Молчаливый, широкоплечий, он мог починить любой механизм — от старых часов до комбайна. Свою Марину он отбил у заезжего городского хлыща, просто перегородив тому дорогу своим тяжелым взглядом и мощным плечом. «Она моя», — сказал он тогда, и хлыщ, оценив масштаб угрозы, испарился из деревни навсегда.

Они жили просто, радуясь малому. Мама работала продавщицей, папа после закрытия местного колхоза начал ездить в соседнее хозяйство покрупнее. Они были счастливы в своей предсказуемости. Но Дарина… Дарина была сделана из другого теста. В ней жила та самая «рациональная гордость», которая не позволяла ей довольствоваться малым.

Вечером, когда жара наконец сменилась живительной прохладой, приехал отец. От него пахло соляркой, ветром и пылью дорог. Семья собралась под старой яблоней на ужин. На столе дымилась картошка, лежал свежий хлеб и те самые огурцы, за которые велась ежедневная война с сорняками.

— Ну, как дела, Даринка? — спросил Павел, внимательно глядя на старшую дочь. — Август кончается. Готова к одиннадцатому классу?

Дарина замерла, ковырнув вилкой в тарелке. Сердце забилось чаще, но взгляд остался прямым.

— Я хочу забрать документы, пап. Не пойду в одиннадцатый.

Тишина, воцарившаяся под яблоней, была такой звонкой, что стал слышен сухой треск кузнечиков в траве. Марина замерла с кружкой в руках, глядя на дочь с нескрываемым испугом. Павел же продолжал медленно жевать, его зеленые глаза — глубокие и проницательные — казались в сумерках почти темными.

— И куда же ты собралась? — глухо спросил он.

— В город. В техникум. На сервис или гостиничное дело. Куда возьмут на бюджет по аттестату девятого класса. Я не хочу терять еще один год здесь, папа! У нас в классах по восемь человек. Учительница английского сама путает времена, а химию мы не видели с прошлого года, потому что некому вести. Я ЕГЭ не сдам на нормальный балл, понимаешь? Мы тут просто теряем время.

— В городе ты будешь никто, Даша, — Марина поставила кружку на стол с тяжелым стуком. — Тут у тебя дом, защита. Доучишься год, подготовишься, мы с отцом поможем… А там? Кто посмотрит на девочку из Порушного? Кому ты там нужна?

— Вот и отлично, что не посмотрят, — Дарина вскинула подбородок, и в её глазах вспыхнул тот самый упрямый огонек, который всегда пугал мать. — Значит, не увидят, как я буду карабкаться наверх. Мам, ну кем я тут стану. Ведь никакого будущего. А хочется быть кем-то. Хочу свой салон. Хочу, чтобы Вика получила нормальное образование в будущем, а не прозябала здесь, закручивая банки до посинения.

Павел посмотрел на свои руки — огромные, мозолистые, с въевшейся в трещины грязью, которую не брало никакое мыло. Он был собственником по натуре, любил, когда всё «его» было под присмотром, в безопасности. Но в глазах Дарины он увидел ту же стальную волю, которая когда-то заставляла его самого работать по две смены, чтобы построить этот дом.

— В городе сейчас как раз последние дни приема, — быстро добавила Дарина, чувствуя, что отец колеблется. — Если поеду завтра, точно успею подать еще и на общежитие, если места остались.

— Тяжело будет, — Павел наконец поднял на неё взгляд. В нем читалась горечь пополам с гордостью. — Там волки, Дарина. И каждый хочет укусить. Если решишься — назад дороги с жалобой не будет. Поняла?

— Поняла, пап, — Дарина почувствовала, как в груди разливается горячая волна облегчения. — Я и не собиралась. Я же в тебя. Только вместо трактора у меня будут ножницы.

В ту ночь она долго не могла уснуть. Лежала на своей узкой кровати, слушая хор сверчков за окном, и представляла себе Город. Она видела его как сияющее скопление огней, где-то там, за горизонтом. Мир, где люди пахнут дорогим мылом, а не навозом. Мир, где у мужчин крупные ладони не от плуга, а от руля дорогих автомобилей.

Дарина закрыла глаза, вдыхая аромат ночных цветов. Она знала, что завтра её жизнь изменится навсегда. Ей предстояло еще уговорить Аврору — подругу, такую же дерзкую и голодную до перемен. Дарина была почти уверена, что не встретит сопротивления. Они обе задыхались в этой «тесноте».

Завтра начиналась её война за право быть хозяйкой собственной судьбы. И она не собиралась проигрывать.

Глава 2. Прыжок в неизвестность

Лето в Порушном не просто стояло — оно задыхалось от собственной неподвижности. Казалось, даже мухи ленились жужжать, приклеенные зноем к растрескавшимся оконным рамам, а воздух над дорогой дрожал, превращая горизонт в зыбкое марево. Дарина и Аврора сидели на поваленном стволе старой яблони в глубине сада. Это было их «секретное место» — царство пыльных лопухов и колючего шиповника, которое надежно скрывало их от любопытных глаз соседей и бесконечных родительских поручений.

Аврора была единственной подругой Дарины, её полным антиподом и в то же время отражением. Рыжая, конопатая, с вечно ободранными коленками и азартным блеском в глазах, она обладала тем типом безбашенности, которого Дарине, с её рациональным умом, иногда не хватало. Если Дарина была тихим пламенем, выжигающим путь, то Аврора была лесным пожаром — ярким, непредсказуемым и сметающим всё на своем пути.

— Я сама об этом думала, каждую ночь в потолок пялюсь, — Аврора с каким-то остервенением содрала длинную травинку и принялась её жевать, глядя вдаль, где за лесом начинались чужие земли. — Еще один год в этой дыре — и я просто взорвусь. Ты видела вчера Кольку-свинаря у клуба? Ему двадцать лет, а он уже двух слов связать не может, всё «белку» ловит и на заборы кидается. А Петька Степанов? Тот вообще за трактор держится, чтоб не упасть, когда смены сдает.

Аврора повернулась к Дарине, и её лицо исказилось от горькой гримасы.

— Это наше будущее, Даш? Рожать детей от тех, кто на утро не вспомнит, как нас зовут? Стареть в тридцать лет и обсуждать на лавке, у кого корова больше надоила?

Дарина молча посмотрела на свои руки. Кожа на ладонях огрубела, а под ногтями, как бы она их ни чистила с утра щеткой, всё равно оставался едва заметный серый след от чернозема. Эта земля въедалась в саму суть, в поры, в мысли.

— Не наше, — твердо произнесла Дарина, и этот звук разрезал вязкую тишину сада. — У нас же аттестаты за девятый класс хорошие. Мы тогда испугались, решили, что одиннадцатый — это престижно, высшее образование… А какое тут образование, Аврор? Мы только время теряем. Пока мы тут огурцы крутим, там, в городе, жизнь мимо проносится.

— Вот и я об этом! — Аврора подпрыгнула, едва не свалившись с яблони. — В городских техникумах сейчас самый разгар приема. Места на бюджет еще есть, я узнавала у двоюродной сестры. Давай рванем? Завтра же. Хоть просто узнаем, посмотрят ли на нас.

Дарина почувствовала, как внутри всё сжалось от странной смеси ужаса и восторга. Это было безумие. Прыжок без страховки. Но альтернатива — остаться здесь — пугала её гораздо сильнее.

— Рванем, — выдохнула она.

И они рванули.

Дорога до большого курортного города на старом, дребезжащем «пазике» заняла три часа. Это были три часа изнуряющей тряски по ухабам, удушающего запаха бензина и пыли, которая плотным слоем влетала в открытые окна. Но когда автобус начал медленно карабкаться на перевал, у Дарины перехватило дыхание.

Там, внизу, за перевалом, расстилался он — Город. Огромный, белокаменный, прижатый мощными объятиями к лазурному, ослепительно яркому морю. Это был другой мир. Курортный рай, где пальмы казались декорациями к голливудскому фильму, а воздух — Дарина почувствовала это даже через щели в окне — пах не навозом и сеном, а солью, жженым сахаром и чем-то неуловимо дорогим, недоступным.

Контраст ударил по глазам так больно, что захотелось зажмуриться. После серых заборов и покосившихся сараев Порушного эти неоновые вывески, сверкающие фасады пятизвездоч-

ных отелей и толпы нарядно одетых, смеющихся людей казались чем-то нереальным, галлюцинацией, вызванной солнечным ударом.

— Смотри, — прошептала Аврора, прильнув к мутному стеклу. — Даш, глянь, какие стеклянные здания. Они же до самого неба!

— Это отели, — отозвалась Дарина, чувствуя, как сердце в груди начинает выбивать рваный, чечеточный ритм. — Там люди отдыхают. Там настоящая жизнь, Аврора. Чистая. Красивая.

Они вышли на автовокзале, испуганно прижимая к себе сумки. Две деревенские девчонки в простеньких сарафанах, с тугими косами и широко распахнутыми глазами — они выглядели здесь как инопланетянки. Но внутри Дарины, за слоем неуверенности, крепло каменное упрямство.

В приемной комиссии техникума пахло старой бумагой, хлоркой и чьей-то надеждой. Строгая женщина в очках с толстыми линзами долго и придирчиво изучала их документы, то и дело поправляя пучок на затылке.

— Факультет туризма и гостиничного бизнеса? — она подняла на них холодный взгляд. — На базе девяти классов места еще остались. Ваши баллы позволяют пройти на бюджет, девочки. Но имейте в виду: это не прогулка по набережной. Учиться придется много. Экономика, стандарты сервиса, иностранные языки… Вы хоть «ду ю спик инглиш» знаете?

— Мы выучим, — выпалила Дарина, не дав Авроре вставить и слова. — Мы привыкли работать. Мы очень трудолюбивые. Нам только шанс дайте.

— И общежитие? — робко добавила Аврора. — Нам негде жить.

— Общежитие есть, в двух кварталах отсюда. Места распределяются в конце августа. Вам как иногородним льгота. Пишите заявление.

Когда они вышли из здания техникума, Дарина почувствовала такую невообразимую легкость, будто с её плеч наконец сняли тот самый пудовый мешок с картошкой. Они это сделали. Они нашли лазейку в заборе, который окружал их жизнь. Да, они потеряли время, просидев в десятом классе, но сейчас это казалось мелкой ценой за билет в будущее.

Обратный путь пролетел незаметно. Подруги взахлеб обсуждали, как обставят комнату в общаге, какие учебники купят и как, наконец, перестанут зависеть от огородного календаря и настроения председателя колхоза. Но чем ближе автобус подъезжал к Порушному, тем тяжелее становилось на душе у Дарины. Самый сложный разговор был впереди.

Вечер на кухне Сиреневых был тихим, наполненным лишь стрекотом сверчков за окном. Мама чистила рыбу, отец сосредоточенно чинил старый радиоприемник, из которого доносилось лишь шипение. Дарина встала в дверном проеме, чувствуя, как кончики пальцев немеют от волнения.

— Мам, пап… Мы с Авророй сегодня в город ездили. В техникум подали документы. Нас берут. На бюджет.

Марина замерла с ножом в руке. Павел медленно поднял голову, и в его взгляде Дарина прочитала такую гамму чувств, что ей захотелось закричать. Там была и горечь, и страх, и бесконечная усталость. Повисла тяжелая, густая тишина.

— В город, значит… — негромко произнес отец. Он посмотрел на жену, и в этом обмене взглядами было всё: их прожитая жизнь, их несбывшиеся мечты, их страх за детей.

— Дарина, — мама вытерла руки о передник и подошла к дочери. Её глаза подозрительно блестели. — Мы ведь с отцом не слепые. Видим, как ты тут маешься. В деревне ведь как… — она вздохнула, и этот вздох показался Дарине самым печальным звуком на свете. — Мужиков нормальных не осталось. Те, кто поумнее, давно след простыл, а остальные… сама видишь. Только бутылка да кулаки. Не хотим мы тебе такой доли. Не заслужила ты её.

Отец молча встал, подошел к комоду и вытащил из-под стопки чистого белья старую жестяную банку из-под индийского чая. В ней Сиреневы хранили «гробовые» и деньги на

самый крайний, черный день. Он отсчитал несколько крупных купюр — почти всё содержимое банки — и протянул их Дарине. Его пальцы, иссеченные трещинами, слегка дрожали.

— Вот, — он вложил деньги в её ладонь. Голос его был глухим. — На первое время. На еду там, на книжки свои. Обижать будут — сразу звони. Я приеду, ноги повыдергиваю любому городскому умнику. Поняла?

— Пап… — Дарина уткнулась носом в его плечо, пахнущее мазутом и табаком. Слезы всё-таки брызнули из глаз. — Я всё верну. Честное слово. Я выучусь, я стану человеком.

— Главное, душу не потеряй там, среди огней, — прошептала мама, обнимая их обоих. — Оставайся Сиреневой.

Ночью, когда дом погрузился в тревожный сон, Дарина собирала старую сумку. Вещей было мало: пара застиранных платьев, джинсы, любимая расческа и ножницы — её главное сокровище. Вика сидела на краю кровати, обхватив коленки руками. В лунном свете её глаза казались огромными и полными слез.

— Ты правда уезжаешь? — шепотом спросила она.

Дарина присела рядом и взяла сестру за руки. Ладошки Вики были мягкими, еще не испорченными тяжелым трудом, и Дарина поклялась себе, что сделает всё, чтобы они такими и остались.

— Уезжаю, Вик. Но это ненадолго. Я только разведаю обстановку, зацеплюсь, и как только встану на ноги — заберу тебя. Слышишь? Тебе тут не место. Ты у меня красавица, ты в университете должна учиться, на больших каблуках ходить, а не огурцы по банкам рассовывать. Потерпи еще два года, ладно?

— Мне страшно за тебя, — Вика всхлипнула и прижалась к сестре. — Город такой большой. А ты там совсем одна.

— Не одна, — Дарина гладила её по волосам, чувствуя, как внутри кристаллизуется холодная, как лед, решимость. — Со мной моя мечта. И я в неё зубами вцеплюсь. Я не вернусь сюда проигравшей, Вика. Мы еще погуляем с тобой по той набережной. В самых красивых платьях.

Они просидели так до самого рассвета, обнявшись и плача втихомолку, чтобы не разбудить родителей. В ту ночь Дарина прощалась не только с домом, но и со своим детством.

Утром, стоя на пороге с тяжелой сумкой, она в последний раз окинула взглядом их двор. Покосившийся забор, заросшие грядки, старую яблоню, которая видела её первые шаги. Сердце предательски сжалось от нежности и боли. Но когда она повернулась и пошла к остановке, где уже ждала рыжая Аврора, Дарина не обернулась ни разу.

Впереди был Город — сияющий, жестокий и незнакомый. Город, где никто не ждал Дарину Сиреневу. Но она знала одно: она заставит этот мир заметить её. Чего бы ей это ни стоило.

Когда автобус тронулся, она прижала лоб к холодному стеклу. В кармане лежали скудные родительские деньги, в голове был хаос из надежд и страхов, а на плечах — россыпь родинок, которые мама называла метками счастья. Дарина пока не знала, что такое счастье. Но она была полна решимости его выгрызть.

Глава 3. Жестокая реальность

Город встретил их не охапками южных роз и ласковым морским бризом, как обещали глянцевые путеводители, а удушающим запахом раскаленного асфальта и бесконечным гулом машин, который не стихал даже глубокой ночью. Курортный центр Краснодарского края на деле оказался огромным, прожорливым зверем. И этот зверь очень быстро дал Дарине и Авроре понять: они здесь — всего лишь мелкие песчинки, случайно забившиеся в складки его дорогого, пахнущего успехом пиджака.

Их общежитие от техникума стало настоящим памятником советскому аскетизму. Пятый этаж без лифта превращался в ежедневное восхождение на Эверест после изнурительных лекций. Коридорная система, пропахшая жареным луком и дешевым табаком, и вечно подтекающие краны в общей умывальной, которые выстукивали по ночам похоронный марш надеждам Дарины на легкий старт.

— Слушай, Даш, мне кажется, или эта стена на меня как-то недобро смотрит? — Аврора с сомнением ткнула пальцем в облупившиеся желтые обои их комнаты, которые свисали рваными лоскутами, обнажая серую штукатурку.

Дарина с глухим стоном бросила свою тяжелую сумку на кровать с панцирной сеткой. Металл отозвался жалобным, дребезжащим звуком, словно протестуя против нового жильца.

— Считай, что это винтаж и лофт в одном флаконе, Аврор, — отозвалась Дарина, вытирая пот со лба. — Главное — у нас есть крыша над головой, и завтра в пять утра нам не нужно бежать в огород полоть картошку. Это уже победа.

Однако её оптимизм начал таять быстрее, чем мороженое на набережной, уже через пару недель учебы. Выяснилось, что факультет туризма и гостиничного бизнеса — это не только про то, как ослепительно улыбаться гостям и носить красивую форму. Оказалось, что Дарина катастрофически не успевает за программой. Её сельская школа, где химия, история и английский были предметами «по настроению» учителей, оставила в её голове зияющие дыры размером с кратер.

Когда преподаватель на лекции по «Основам гостеприимства» легко оперировала терминами вроде «чекин», «овербукинг» и «программа лояльности», Дарина чувствовала себя иностранкой без переводчика. Она сидела на первой парте, вцепившись в ручку так, что белели костяшки, и лихорадочно записывала каждое слово. Но вечером, перечитывая конспекты в тусклом свете настольной лампы, она с ужасом понимала: она не знает элементарных вещей, которые городские девчонки, выросшие среди отелей и ресторанов, щелкали как орешки.

Её гордость, та самая рациональная, колючая и выпестованная годами лидерства в деревенской школе, начала кровоточить. В Порушном она была звездой, умницей, надеждой учителей. А здесь… здесь она была просто «девочкой из глубинки», которая путает названия столовых приборов и замирает от ужаса перед автоматическими дверями торговых центров.

Но учеба была лишь половиной беды. Настоящим кошмаром стали деньги.

— Дарина, ты видела, сколько здесь стоит хлеб? — Аврора в ужасе застыла перед витриной супермаркета через две недели после приезда. — В нашем магазине мама за эти деньги могла бы купить полхлебозавода и еще сдачу получить мешком муки!

Родители пытались помогать. Павел переводил почти всю свою скромную премию, Марина в тайне от него добавляла из своих заначек, которые откладывала «на черный день». В телефонных разговорах они старались звучать бодро, скрывая за фальшивым весельем тоску и тревогу.

— Ты там кушай хорошо, Даринка. Сиреневы не должны голодать в большом городе, — говорил отец, и Дарина слышала на заднем фоне тяжелое дыхание и шум тракторного мотора.

— Вика вот тебе яблок лучших насобирала, я сала домашнего подготовил на следующий твой приезд…

Когда она вешала трубку, в горле стоял колючий ком. Дарина знала, какой ценой им даются эти купюры. Знала, что отец берет дополнительные смены, а мама экономит на элементарном. Эти деньги жгли ей ладонь через экран телефона. Они пахли честным потом и мазутом, и тратить их на стакан кофе по пути в техникум казалось ей не просто расточительством, а настоящим предательством.

— Нам нужна работа, — сказала Дарина Авроре в один из вечеров, когда они делили последнюю пачку лапши быстрого приготовления на двоих, сидя на подоконнике и глядя на огни ночного города. — Прямо сейчас. Иначе я просто не смогу смотреть родителям в глаза, когда они в следующий раз пришлют перевод.

— Пойдем в официантки? — Аврора сразу зажглась этой идеей. — Я читала, там чаевые бывают больше зарплаты. И форма красивая… Вон, в центре на набережной полно кафешек.

Они прихорашивались как могли, доставая из сумок свои лучшие наряды. Дарина старательно усмиряла свои каштановые, пористые волосы, заплетая их в тугую, строгую косу, пудрила щеки, чтобы скрыть тот самый «здоровый деревенский румянец», который в изысканном свете городских ресторанов смотрелся как досадный анахронизм. Но реальность снова дала им под дых.

В приличных заведениях требовался опыт работы, идеальное знание английского (её школьное «май нэйм из Дарина» вызывало у администраторов лишь снисходительную улыбку) и, желательно, местная прописка.

— Извините, девушки, нам нужны сотрудники со знанием стандартов обслуживания премиум-класса, — холодно отвечала холеная дама в одном из ресторанов, даже не взглянув на их анкеты.

Они шли по раскаленному городу, и ноги Дарины в дешевых туфлях горели огнем. Родинки на плечах зудели под лямками сарафана, а в животе пустота уже начала переходить в стадию глухого, тягучего раздражения. Гордость мешалась с отчаянием, образуя в душе горький коктейль.

И тут они увидели его.

Отель «Атлантик». Громадное здание из стекла и стали, которое казалось инопланетным кораблем, припарковавшимся на самом берегу Черного моря. Громадная территория, панорамные лифты, снующие туда-сюда элитные автомобили. Это был мир запредельного богатства, успеха и того самого комфорта, о котором Дарина мечтала долгими зимними ночами в деревне.

— Нам туда нельзя, — прошептала Аврора, невольно пятясь назад перед величественным фасадом. — Нас даже к дверям не подпустят.

— Именно туда нам и надо, — отрезала Дарина, чувствуя, как внутри просыпается её фирменное, Сиреневское упрямство. — Там, где такая роскошь, всегда нужны рабочие руки, чтобы эту роскошь чистить. Пойдем к служебному входу.

Они обошли здание с тыла, где картинка разительно менялась. Здесь пахло не дорогими духами, а хлоркой, жареным жиром и едкими химикатами. Огромные фуры разгружали продукты, мимо пробегали люди в белых поварских кителях, выкрикивая команды.

— Работа нужна? — грубоватый мужчина с планшетом в руках окинул их коротким, оценивающим взглядом. — Официантками не возьму — рылом, может, и вышли, а лоска нет. Разве что на мойку в ресторан при отеле люди требуются. Смена вечерняя, с пяти до двух ночи. Оплата почасовая, раз в неделю. Кормим один раз за смену. Идете?

Дарина и Аврора переглянулись. Мойка. Посудомойки. Это было так бесконечно далеко от мечтаний о ножницах, стильных прическах и собственном салоне, что на секунду Дарине

захотелось развернуться и бежать прочь. Но она вовремя вспомнила мозоли на руках отца. Вспомнило лицо Вики, когда та прощалась с ней.

— Идем, — твердо сказала она, сжимая кулаки.

Так началась их жизнь в изнанке «Атлантика».

Работа на мойке в элитном ресторане оказалась персональным филиалом ада. Дарина не видела моря, не видела красивых гостей в вечерних платьях. Она видела только бесконечные, скользкие горы тарелок, покрытых жиром, остатками фуа-гра и соусов, названия которых она даже не могла выговорить правильно. Смена длилась восемь-девять часов, но по ощущениям это была вечность.

Они брали вечерние смены, чтобы успевать на пары. Работа, как ни странно, вписалась в их сумасшедший ритм: они приходили к ужину, быстро съедали дежурную порцию макарон в столовой для персонала и приступали к делу. Домой, в общежитие, возвращались под утро, едва успевая вздремнуть пару часов перед лекциями. Спали урывками, прямо на парах, подложив под голову учебники по экономике.

Горячий пар от огромных посудомоечных машин превращал волосы Дарины в мокрое, спутанное гнездо, а кожа рук от агрессивных моющих средств стала сухой, пошла мелкими трещинами и начала невыносимо зудеть. Каждый раз, когда она видела на тарелке недоеденный стейк, цена которого равнялась месячному доходу её матери, у неё темнело в глазах от несправедливости этого мира.

— Дарина, ты живая? — Аврора подсела к ней во время редкого пятнадцатиминутного перерыва. Они сидели на перевернутых пластиковых ящиках на заднем дворе, жадно вдыхая ночной воздух.

Дарина посмотрела на свои дрожащие, покрасневшие руки.

— Живая. Просто… всё не так, как я себе представляла. Знаешь, Аврор, я думала, что огород — это предел физической усталости. Но огород пахнет землей, дождем и жизнью. А здесь… здесь пахнет химией и чужим пренебрежением.

— Зато посмотри на это, — Аврора потрясла небольшим конвертом, который им выдали в конце недели. — Это мы сами заработали. Честно.

Дарина прижала конверт к груди. Это были её первые городские деньги. Грязные, пахнущие мыльной пеной и чужими объедками, но они давали ей крошечное право на независимость.

В следующую субботу она поехала в Порушное. Дорога на автобусе показалась ей бесконечной, но когда за окном замелькал знакомый покосившийся забор их дома, в сердце что-то болезненно дрогнуло.

— Даринка приехала! — Вика вылетела из калитки, обнимая сестру так крепко, что та едва устояла на ногах.

Дома всё было по-прежнему: уютно, тихо, пахло печеными яблоками. Мама суетилась у плиты, папа с гордостью расспрашивал об учебе. И Дарина врала. Врала вдохновенно, глядя им в глаза и скрывая усталость. Она рассказывала о «блестящих перспективах», о «современных аудиториях» и о том, как легко ей даются иностранные слова.

— А работа как? Не обижают тебя там? — Марина внимательно, с материнской тревогой посмотрела на руки дочери.

— Мам, я же в лучшем отеле города, — Дарина быстро спрятала ладони под стол и выдавила самую лучезарную улыбку, на которую была способна. — Там всё по высшему разряду. Кондиционеры, вежливые люди. Почти как в кино. Вот, возьми…

Она выложила на скатерть часть заработанных денег. Сумма была небольшой, но для Сиреневых это были существенные деньги.

— Даша, ты что? — отец нахмурился, отодвигая купюры. — Оставь себе, тебе в городе нужнее. Мы уж как-нибудь сами…

— Пап, бери, — Дарина придвинула деньги обратно к нему, и в её голосе прозвучали стальные нотки. — Я справляюсь. Я же Сиренева, забыл? У меня всё под контролем. И себе отложила, не переживай.

В ту ночь, лежа в своей старой детской кровати и слушая знакомое до боли стрекотание сверчков, Дарина не могла уснуть. Её руки ныли, спина гудела, а в голове крутились формулы из учебника, которые она пыталась зубрить в перерывах между мойкой котлов.

Ей было страшно. По-настоящему страшно, что она так и застрянет в этом подвальном помещении, среди пара и грязной посуды, никогда не поднявшись выше. Что её потолок — это чистые тарелки для людей, которые смотрят сквозь неё. В этом городе она видела их сотни — на дорогих машинах, в безупречных костюмах. Для них Дарина Сиренева была частью интерьера, бессловесным фоновым шумом.

«Ничего», — думала она, проваливаясь в тяжелый, безрадостный сон. — «Я научусь ходить по этим мраморным полам не с тряпкой, а на каблуках. Я заставлю вас смотреть мне в глаза».

Она еще не знала, что судьба уже начала тасовать колоду. И что следующая ступенька в иерархии «Атлантика» окажется гораздо ближе к тем самым номерам «люкс», которые манили её своим недосягаемым блеском. Но цена этого подъема окажется выше, чем она могла себе представить.

Главное было — не сломаться. Не показать им там, в Порушном, как ей на самом деле тошно от запаха дешевого мыла и собственной беспомощности. Дарина была готова выдержать всё. Лишь бы Вика никогда не узнала, как её старшая сестра плачет по ночам в туалете общежития, пытаясь выучить правила сервировки для мира, который её не ждал.

Глава 4. Грязная работа

Полгода в городе пронеслись как один бесконечный, серый и оглушительно шумный день. Март на побережье — это совсем не та картинка из сказки, которую рисует воображение при слове «курорт». Это время свинцовых туч, закладывающих уши, и пронизывающего насквозь ветра, который выбивает злые слезы из глаз и швыряет в лицо колючую соленую изморось. Море, летом ласковое и бирюзовое, превратилось в ревущего зверя, вечно штормящего и выплевывающего на берег мусор и мертвых медуз.

За эти шесть месяцев Дарина Сиренева изменилась так, что зеркало в их тесной комнате общежития порой казалось ей чужим. Оно больше не отражало ту наивную деревенскую девчонку с горящими, жадными до жизни глазами. На Дарину смотрела молодая женщина, загар чуть сошел с лица, скулы стали острее, а взгляд… взгляд приобрел решительный стальной блеск, который появляется только у тех, кто на собственной шкуре узнал цену каждой заработанной копейки.

Её тело, и без того привычное к нагрузкам, окончательно избавилось от остатков «деревенского уюта» — лишние килограммы ушли вместе с домашними сливками и маминым пирогами. Дарина стала хрупкой, почти прозрачной, но в этой хрупкости чувствовалась сила натянутой тетивы. Её руки теперь напоминали руки старой мастерицы: кожа на костяшках постоянно трескалась от едкой щелочи и хлорки, а ладони покрылись плотными, жесткими мозолями. Но при этом она сохраняла ту самую упрямую, гордую осанку, которая выделяла её даже в толпе замученных студентов.

— Сиренева, Соколова, ко мне! Живо! — Галина Николаевна, старшая смены в «Атлантике», женщина суровая, как мартовский шторм, и всегда пахнущая лавандовым освежителем, поманила их пальцем.

Дарина и Аврора только что закончили утреннюю смену на мойке. Спина Дарины гудела так, будто по ней проехался папин трактор, а пальцы едва разгибались от ледяной воды.

— Девочки, у нас в клининге недобор. Новенькие уволились, не выдержали графика, — Галина Николаевна окинула их придирчивым взглядом. — Работа на жилых этажах тяжелее, чем посуду в подвале драить, ответственности больше. Но и платят на порядок выше. Плюс — чаевые от постояльцев, если будете вести себя как бесплотные духи и убирать идеально. Перевожу вас в горничные. С завтрашнего дня. Если, конечно, ваш гонор не мешает вам махать шваброй в номерах.

Аврора радостно пискнула, вцепившись в руку Дарины. Для неё это было билетом в «высшее общество», пусть и через черный вход. Это стало очередной ступенькой, которую нужно было преодолеть, не глядя вниз. И она шагнула, не оглядываясь.

Девушки скромно отпраздновали событие, совместив его с днем рождения Дарины. Она задумалась о том, что на свой день рождения и впрямь не рубила оливье в родной деревне, как и обещала себе в прошлом году. А лучшим подарком стало само предложение новой “должности”.

Работа горничной открыла Дарине дверь в мир, о существовании которого она раньше только догадывалась по фильмам. Теперь она не сидела в душном подвале мойки; она поднималась на панорамных лифтах на верхние этажи, где воздух казался чище и дороже. Она видела номера, стоимость которых за одну ночь превышала годовой доход всех жителей Порушного вместе взятых. Она видела шелковые простыни, мраморные ванные комнаты и огромные гардеробные, забитые вещами, названия брендов которых она раньше даже не слышала.

И именно здесь, впитывая запах чужой роскоши, Дарина окончательно поняла: она не может больше терять время.

— Аврор, я бросаю техникум, — глухо произнесла она однажды вечером, когда они вернулись со смены.

Аврора, старательно красившая ногти ярко-красным лаком, замерла. Кисточка дрогнула, оставив на пальце кровавый след. Она начала тратить свои первые «нормальные» деньги на дешевую косметику и эффектную бижутерию, стараясь максимально соответствовать блеску отеля.

— Ты с ума сошла? — Аврора уставилась на подругу округлившимися глазами. — Нам же диплом обещали! Менеджеры, статус, гостиничный бизнес…

— Менеджеры чего, Аврор? Чистых унитазов? — Дарина горько усмехнулась, глядя на свои изуродованные химией ладони. — Учиться мы будем еще несколько лет. И не факт, что сразу сможем устроиться по специальности. Опять потеряем время. Тем более я не тяну учебу. У меня в голове вместо макроэкономики — порядок уборки в номере. Я засыпаю на лекциях. Денег катастрофически не хватает, а я хочу помогать родителям, а не тянуть из них последнее. Я пойду на профессиональные курсы парикмахеров, как и мечтала. Мне кажется, это будет эффективнее, и быстрее приведет к нормальному заработку. Научусь делать всё: от стрижек до колористики. А потом — арендую кресло. Такой путь я приметила, Аврор.

— Это риск, Даш. Твои тебя просто убьют, если узнают.

— А они не узнают. Пока. Скажу, что перевелась на заочное. Возьму больше смен в «Атлантике», только придется съехать из общежития. Здесь места только для студентов.

Через неделю Дарина нашла себе жилье. Это была старая, покосившаяся пятиэтажка на самой окраине, пропахшая нафталином и пыльными книгами. Клавдия Степановна, подслеповатая и бесконечно одинокая старушка, сдала ей крошечную комнатку за сущие копейки. Ей просто нужен был кто-то живой рядом. Комнатка была размером со шкаф, с узкой кроватью и колченогим столом, но для Дарины она стала её крепостью. Её личным штабом.

Тот день, когда она забрала документы из техникума, стал самым тяжелым. Дарине казалось, что она совершает преступление, предавая веру мамы и папы. Но когда она вышла за ворота учебного заведения, ей вдруг стало дышать легче. Статус «неуспевающей студентки» больше не давил на плечи.

Теперь её жизнь превратилась в изнуряющий марафон. Подъем в пять утра, смена в отеле до обеда, затем — короткий, проваливающийся сон и часы самообразования. Она купила дешевые инструменты и тренировалась на Клавдии Степановне. Старушка с удовольствием подставляла свою седую голову под ножницы Дарины. Она радовалась вниманию квартирантки. Они сразу нашли общий язык.

— Золотые у тебя руки, Дашенька, — шамкала она, разглядывая себя в зеркало. — Стрижешь, будто песню поешь.

— Я не просто стригу, баб Клав. Я на эти руки ставку сделала. Всё, что у меня есть, — отвечала Дарина, чувствуя, как внутри разгорается упрямый азарт.

Аврора тем временем выбрала другой маршрут. Она всё чаще пропадала по ночам, встречая рассветы в сомнительных клубах. У неё появился парень — Стас, местный делец на побитой «девятке», который катал её по городу и обещал «золотые горы», которые, правда, пока ограничивались пачкой дорогих сигарет и пивом.

— Даш, ну ты чего киснешь в этой конуре? — Аврора заскочила к ней в перерыве между сменами. Она выглядела ярко и вызывающе: короткая юбка, густо подведенные глаза. — Пойдем с нами в «Зодиак», там сегодня вечеринка! Жизнь-то проходит! Тебе девятнадцать, а ты кроме швабры и своих ножниц ничего не видишь.

— Каждому свое, Аврор, — Дарина старалась говорить спокойно, хотя внутри всё сжималось от горечи. — Тебе весело сейчас, а я хочу, чтобы мне было спокойно потом. Чтобы я не зависела от того, купит мне кто-то коктейль или нет.

— Ой, зануда ты! Смотри, покроешься мхом в своей парикмахерской! — Аврора фыркнула и убежала, цокая каблуками по кафелю. Она не была обидчивой девушкой. За это ее и любила Дарина, она могла быть с ней прямолинейной и не бояться за брошенную фразу. Дарина посмотрела ей вслед, чувствуя, как между ними растет невидимая, но непреодолимая пропасть. Они обе вырвались из деревни, но, кажется, плыли в разные стороны.

В отеле работа становилась всё более изнуряющей. Горничная в «Атлантике» — это призрак. Ты должна вычистить номер так, чтобы гость даже не заподозрил, что здесь кто-то был. Дарина научилась делать идеальные складки на простынях, начищать зеркала до невозможного, почти хирургического блеска и… наблюдать.

Она видела женщин, которые жили в этих номерах. Они пахли так, что у Дарины кружилась голова — смесью жасмина, дорогой кожи и абсолютной уверенности в себе. Дарина смотрела на их безупречные руки, на их волосы, уложенные волосок к волосок, и в её душе рождалась не зависть, а холодный расчет.

«Я смогу так же», — шептала она себе, оттирая пятно от красного вина с дорогущего ковролина. — «Я просто должна перетерпеть этот этап».

Её план был прост и жесток: работать на износ, экономить на всём, кроме мечты. Она считала каждую тысячу. Немного на еду и на проезд, остальное — в тайник под матрасом. Каждая купюра приближала её к дню, когда она наденет профессиональный фартук.

Между делом, пока протирала несуществующую пыль с подоконников очередного номера, Дарина вспомнила, как родители на день рождения прислали посылку — банку домашнего варенья, теплые носки, которые связала мама, зная что у старшей дочери мерзнут ноги даже летом, и письмо, написанное рукой Вики. Она почувствовала себя натянутой до предела струной.

«Даринка, мы так по тебе скучаем! Папа всем соседям уши прожужжал, какая ты у нас отличница в техникуме. Мама в магазине рассказывает, что ты будущий директор лучшего отеля на побережье. Они уже начали копить деньги тебе на выпускное платье… Смешные, а так не хотели тебя отпускать, боялись, что пропадешь!»

Дарина тогда читала эти строки, и горькие, соленые слезы падали на бумагу, оставляя влажные следы. Каждое слово любви было для неё ударом хлыста. Они верили в одну Дарину — успешную, образованную, идущую к «белому воротничку». А она становилась совсем другой — жесткой, пропахшей хлоркой и живущей в обмане. Но она знала: если она сейчас сломается и признается — она никогда не вырвется из замкнутого круга нищеты. Встряхнув головой, она избавилась от непрошенных грустных мыслей и постаралась настроиться на положительный лад. Это был нужный этап на пути к цели.

Вечером она вышла на балкон своей съемной комнаты. Вечерний ветер трепал её каштановые волосы, которые она так и не научилась усмирять. Отсюда не было видно моря, только бесконечные серые крыши, дымящие трубы и коробки многоэтажек.

Внизу, по разбитой дороге, медленно проехал длинный черный седан представительского класса. Он сверкал в свете фонарей, мощный, уверенный, недосягаемый, как хищник в ночном лесу, и смотрелся слегка инородно на фоне старых домов. Дарина провожала его взглядом, пока красные огни не скрылись за поворотом. В таких машинах ездили люди, которые владели этим миром. Люди, которые никогда не знали, что такое теснота.

Она еще не знала, что владелец одного из таких автомобилей уже совсем скоро ворвется в её жизнь, став её персональным кошмаром и единственным шансом на спасение.

Дарина поправила старую кофту и вернулась в комнату. Завтра была двойная смена. Завтра нужно было заработать еще несколько сотен на мечту.

Мозоли на руках ныли, напоминая о цене выбора, но взгляд Дарины, отразившийся в темном оконном стекле, был непоколебим.

Глава 5. Мальчишник в Люксе

Воздух в президентском пентхаусе отеля «Атлантик» к шести часам утра стал почти осязаемым. Это был тяжелый, многослойный коктейль из ароматов селективного парфюма, дорогого кубинского табака и едкого шлейфа элитного алкоголя, который, казалось, за ночь пропитал даже дизайнерские панели из темного дуба. Раннее утро робко заглядывало в панорамные окна, окрашивая беспорядок в огромной гостиной в нежные, почти издевательские розовые тона. После бурной ночи пентхаус напоминал поле боя, где единственными выжившими были пустые бутылки из-под коллекционного виски и забытые на диванах шелковые галстуки.

Роман стоял у барной стойки, равнодушно разглядывая дно своего стакана. Голова гудела — не столько от выпитого, сколько от гнетущей предсказуемости всего происходящего. В свои тридцать пять лет он научился читать сценарии подобных вечеринок задолго до их начала.

Мальчишник Олега. Его последнего «холостого» бастиона.

Всё прошло по классическому шаблону. Сначала была закрытая спа-зона отеля, где они — группа взрослых, облеченных властью и деньгами мужчин — сначала отмокали в бассейнах с подогретой морской водой и кедровых парных. Там, среди густого пара и брызг ледяного шампанского, они всё равно не могли замолчать о бизнесе. Даже в расслабленном состоянии, сбросив дорогие костюмы, эти люди оставались хищниками. Роман слушал вполуха разговоры о новых строительных тендерах в Дубае и расширении сети фитнес-центров, чувствуя, как внутри ворочается привычное раздражение. Даже отдых у них был пропитан запахом денег и выгоды.

Потом последовал типичный «сюрприз» от друзей — огромный бутафорский торт, из которого под одобрительный хохот и свист выпрыгнула девица в стразах. Её лицо было настолько плотно покрыто гримом, что напоминало Роману свежезашпаклеванную стену на одном из его строящихся объектов. Смех был слишком громким, шутки — заезженными до дыр, а веселье казалось таким же пластмассовым, как искусственные цветы в холле отеля.

Он смотрел на Олега — счастливого, изрядно выпившего, искренне верящего, что его брак с двадцатилетней красавицей будет «другим», и чувствовал лишь глухую, пыльную скуку.

Все отношения самого Романа заканчивались по одному и тому же сценарию. Два, максимум три года — ровно столько длился цикл от жгучего интереса до момента, когда женщина начинала «вить гнездо» и водить его мимо витрин ювелирных домов с немым вопросом в глазах. Он никогда не обещал того, чего не собирался давать. Женитьба для него не имела смысла. В бизнесе он всегда искал профит, а в браке видел лишь ограничение свободы и ненужные риски.

Роман поднялся с самых низов, и это знание всегда было его главным щитом и мечом. Его история не имела ничего общего с наследными принцами. Семнадцать лет назад он стоял на своей первой автомойке, вдыхая пары дешевой химии и пытаясь оттереть мазут, который, казалось, въелся в саму его суть. Те ладони были грубыми, иссеченными мелкими шрамами, а нынешние — ухоженные, с дорогими часами на запястье — всё еще хранили память о том труде. Он выгрызал свое право стоять здесь, в дорогом отеле побережья, и чувствовать себя хозяином положения. Но сегодня, в этом розовом рассвете августа — его месяца, месяца его тридцать шестого дня рождения — он вдруг почувствовал себя… заскучавшим.

Когда всё в этом мире имеет цену, и ты можешь себе это позволить, жизнь теряет остроту. Вокруг были либо партнеры, мечтающие урвать кусок его империи «Шторм Групп», либо женщины, мечтающие о доступе к его счетам.

Он взял пачку сигарет, вышел из номера и направился к выходу на террасу, опоясывающую часть этажа. Проходя в открытые двери террасы, Роман на секунду задержался и обер-

нулся на шум. Там, в длинном коридоре тридцатого этажа, медленно двигалась огромная, несуразная тележка, нагруженная горой белоснежных полотенец, канистрами и щетками.

За тележкой шла девушка.

Он мазнул по ней привычным, оценивающим взглядом. Худощавая, даже жилистая. На ней была неприметная серая форма горничной с фартуком, которая явно была ей великовата, скрывая линии тела. Она не посмотрела в его сторону. Вообще. Она шла, сосредоточенно глядя перед собой, полностью поглощенная своей работой и выглядела так, будто на её хрупких плечах держалось всё это монументальное здание. Её каштановые, невообразимо пушистые волосы были стянуты в тугой узел на макушке, обнажая шею.

Роман хмыкнул про себя и вышел на балкон. Утренний морской воздух ударил в лицо, принося долгожданную трезвость. Где-то далеко внизу море лениво перекатывало гальку, а здесь, на высоте тридцатого этажа, царила оглушительная тишина, нарушаемая лишь далекими криками чаек.

Он стоял у перил, глядя на то, как солнце начинает окрашивать горизонт в золото, и курил одну сигарету за другой. В голове крутились мысли о смысле всей этой гонки. Загородный дом, пентхаус, сеть залов, стройки... Он любил комфорт, любил красоту, любил свое дело. И все это у него есть. Но почему тогда внутри такая пустота? Последний близкий друг женится. Жизнь Олега изменится, а Роман останется здесь — в своем безупречном, холодном мире, где всё подчинено логике выгоды. Он вспоминал свои первые шаги: ту самую автомойку, первый магазин запчастей, риск, когда он продал всё ради строительного бизнеса. Он всегда шел один. И сейчас, на вершине, одиночество стало особенно ощутимым.

В этот момент за его спиной раздался металлический скрежет и негромкий стук. Роман почувствовал, как кто-то нарушил его временное убежище.

Он не оборачивался, пока не услышал шорох шагов. На балкон вошла та самая девушка с тележкой. В руках у неё был инвентарь для уборки: ведро, какие-то флаконы и швабра. Она двигалась уверенно, по-хозяйски, явно намереваясь привести террасу в порядок после ночного хаоса.

Дарина заметила его лишь тогда, когда сделала несколько шагов по плитке. Она замерла на месте, словно наткнулась на невидимую стену. Её глаза — огромные, карие, почти черные в предрассветных тенях — расширились от неожиданности. Роман увидел, как на её плечах в свете восходящего солнца проступили мелкие родинки, похожие на россыпь веснушек.

— Ой… — вырвалось у неё невольно.

Она тут же взяла себя в руки. Лицо её приняло профессионально-бесстрастное выражение, хотя в глубине взгляда Роман уловил искру досады. Она не испугалась его — она расстроилась, что на её пути возникло препятствие в виде живого человека.

— Извините, пожалуйста, — произнесла она негромко, но четко. — Я не знала, что на балконе кто-то есть. Я зайду позже.

Она начала пятиться назад к дверям, стараясь сохранить дистанцию и оставить его в покое, как того требовали инструкции отеля — не беспокоить гостя. В её движениях не было заискивания, скорее — желание поскорее избавиться от необходимости взаимодействовать с кем-то из этого «люксового» мира.

Роман стряхнул пепел в массивную пепельницу и повернулся к ней всем корпусом. Его заинтриговала эта внезапная гостья. Она была слишком настоящей для этого утра. На её коже не было грима, а на руках проглядывались следы тяжелого труда. Хрупкая фигура, которая казалась сильнее, чем выглядела на первый взгляд.

— Стой, — бросил он, и голос его прозвучал низко, с хрипотцой после бессонной ночи.

Девушка замерла. Её взгляд скрестился с его — дерзко, почти вызывающе для её положения. Роман мазнул глазами по инвентарю в её руках, отмечая мозоли на ладонях, которые она не успела спрятать.

— Можешь убираться, — сказал он, кивнув на террасу. — Мне ты не мешаешь. Я хочу курить, а ты наверняка хочешь закончить свою смену. Делай свою работу.

Дарина нахмурилась, и её пухлые губы сжались в узкую линию. Она безжизненно кивнула, лишь крепче сжав рукоятку швабры. Между ними повисло странное напряжение — столкновение двух абсолютно разных миров на одном отдельно взятом балконе тридцатого этажа.

Она сделала шаг вперед, опуская ведро на плитку, а Роман продолжал наблюдать за ней через облако дыма, чувствуя, как его привычная скука начинает медленно отступать.

Глава 6. Столкновение

Дарина зашла на террасу, стараясь не смотреть в сторону мужчины. В голове пульсировала только одна мысль: «Это последний номер. Последний рывок, и я смогу уйти в свою каморку, смыть с себя этот запах хлорки и провалиться в сон». Раз уж этот заносчивый «хозяин жизни» милостиво разрешил ей закончить работу, она решила сделать всё максимально быстро.

Но ей было невыносимо дискомфортно. Роман не просто стоял рядом — он наблюдал. Дарина кожей чувствовала его взгляд: тяжелый, изучающий, почти физически ощутимый. Он не смотрел на неё как на женщину в привычном понимании этого слова — скорее как на любопытное насекомое, случайно залетевшее в его стерильный мир роскоши.

Она начала наспех протирать стеклянную поверхность столика. Тряпка в её руках двигалась ритмично, но пальцы слегка подрагивали. Дарина старалась не вдыхать аромат его парфюма — дорогого, терпкого, с нотами кожи и холодного моря, который так диссонировал с едким запахом чистящего средства. Что такого в них добавляют, что они источают сильный, но ненавязчивый аромат? Она методично очистила хромированные перила, чувствуя под ладонью их ледяной холод, и принялась за пепельницы.

«Не смотри на него. Просто делай своё дело», — приказывала она себе, вытряхивая окурки в специальный пакет. Каждое её движение было отточенным, механическим, но внутри всё дрожало от невысказанного протеста. Ей казалось, что само присутствие этого человека забирает у неё воздух.

Роман сделал еще одну затяжку, выпустив густое облако дыма, которое тут же подхватил утренний ветер.

— А в чем для тебя смысл, Дарина? — вдруг спросил он. Его голос, низкий и бархатистый, разрезал тишину террасы, заставляя её вздрогнуть. Неудивительно, что он даже на расстоянии углядел имя на бейджике, так пристально он ее рассматривал.

Дарина замерла с салфеткой в руках. Она не ожидала, что он продолжит разговор.

— Простите? — переспросила она, выпрямляясь, но не оборачиваясь.

— Смысл во всей этой суете, — Роман медленно повернулся к ней всем телом, прислонившись спиной к перилам. Его зеленые глаза в свете восходящего солнца казались прозрачными и холодными. — Зачем ты это делаешь? Завтра здесь снова будет пыль. Послезавтра — новые окурки и пятна от виски. Человек живет, потребляет, строит какие-то планы, а в итоге всё равно умирает. К чему вся эта имитация порядка, если финал у всех один — тлен и забвение?

Дарина почувствовала, как внутри закипает раздражение. Усталость, накопившаяся за бессонную ночь, и эта его сытая, ленивая философия подействовали на неё как красная тряпка. Её рациональный ум, привыкший к борьбе за выживание, не принимал таких рассуждений.

— Если следовать вашей логике, то зачем вам вообще просыпаться по утрам? Всё равно ведь когда-нибудь не проснетесь. Зачем вы строите свои империи, зачем покупаете эти дорогие часы? Всё ведь превратится в пыль.

Роман прищурился, и в его взгляде мелькнул живой интерес.

— Остроумно. Но я спрашиваю о другом. Пока я строю “империи”, я чувствую вкус жизни. А что чувствуешь ты, оттирая чужую грязь?

— Я чувствую, что выполняю свою работу, — Дарина вскинула подбородок, и её карие глаза полыхнули огнем. Он пытался задеть ее и вывести на эмоции. — Чистота — это не философия, это гигиена. И пока я убираю этот балкон, я знаю, зачем я это делаю. А вы, рассуждая о

тлене, кажется, просто слишком глубоко заглянули в бутылку виски этой ночью. Скука — это болезнь богатых, а у меня на неё просто нет времени.

Роман неожиданно рассмеялся. Дарина все-таки не сдержалась. Это не был издевательский смех; скорее, он был удивлен её смелости. Ему нравилось, как эта девчонка огрызается. Она была похожа на дикого котенка, который, несмотря на свой жалкий вид, готов вцепиться в горло любому, кто нарушит его границы.

Они простояли так несколько секунд, обмениваясь колкими фразами. Дарина уже собиралась подхватить ведро и окончательно уйти, но Роман сделал шаг вперед, преграждая ей путь. Его крупная фигура заслонила солнце.

— Погоди, — он окинул её внимательным, оценивающим взглядом, от которого ей стало не по себе. — Меня зовут Роман, если тебе интересно. Сколько тебе? Лет двадцать есть?

— Девятнадцать, и мне неинтересно — сухо подтвердила она.

— В девятнадцать лет такие остроумные девочки обычно сидят в аудиториях, грызут гранит науки и мечтают о карьере. А ты… — он выразительно обвел рукой её серую форму и ведро с водой. — Как ты пришла к этому? Почему не учеба? Неужели ты не понимаешь, что тратишь свой потенциал на то, чтобы вылизывать полы за теми, кто даже не помнит твоего имени? Ты могла бы добиться большего, если бы отдалась учебе, а не этой грязной работе.

Это был удар в самое больное место. Дарина почувствовала, как к горлу подступил ком, а лицо опалило жаром. Он не знал, как тяжело ей далось решение бросить техникум. Не знал про её мечту о салоне, на которую она копила каждую копейку, отказывая себе в еде. Для него она была просто неудачницей, променявшей книги на тряпку.

Её гордость взвилась на дыбы.

— А вы думаете, в этом мире всё решается только желанием? — её голос задрожал от едва сдерживаемой ярости. — Иногда выбор стоит между «учиться» и «есть». Иногда успех — это просто возможность не просить денег у родителей, которые пашут в колхозе от зари до зари. Вы родились с возможностями, Роман, а я их создаю себе сама. - Она не могла даже представить, что с нуля можно быть настолько богатым, чтобы обитать в этом отеле, поэтому навязала ему образ сына богатых родителей и пыталась уколоть в ответ. - И если для этого мне нужно убирать ваши номера — я буду это делать. Но не смейте судить о моей жизни по моей форме. Вы ничего не знаете о том, чего мне стоит каждый этот день.

Роман хмыкнул. Её агрессия не оттолкнула его, наоборот — подзадорила. Он почувствовал, как в крови закипает азарт охотника. Ему захотелось проверить, насколько далеко простирается её гордость.

— Какая пламенная речь, — он сделал еще один шаг, сокращая расстояние до минимума. — Давай будем честными, Дарина. Тебе нужны деньги. И судя по твоему взгляду — много денег. И прямо сейчас. Твои руки дрожат от усталости, а в глазах — голод.

Он склонился к её уху, и Дарина почувствовала жар, исходящий от его тела. Его голос стал интимно-низким, вкрадчивым.

— Зачем мучить себя, работая за гроши? В этом отеле много способов заработать. Ты симпатичная, у тебя есть характер… это ценится. Я могу предложить тебе сумму, которая перекроет твой годовой оклад горничной всего за одну ночь. Назови свою цену, Дарина. Ведь в конечном итоге, мы все здесь что-то продаем. Я — свое время и идеи, ты — свой труд. Так почему бы не продать что-то более… приятное?

Мир вокруг Дарины на мгновение замер. Оскорбление было настолько явным, настолько грязным и циничным, что оно выжгло в её душе всё оставшееся терпение. В этот миг она увидела в нем не «хозяина жизни», а ничтожество, которое думает, что за пачку купюр можно купить чужую душу.

Вся её рациональность, вся осторожность и страх потерять работу испарились, уступив место первобытной ярости.

Дарина не раздумывала. Её рука, привыкшая к тяжелому физическому труду, взметнулась сама собой.

Звонкая пощечина разорвала утреннюю тишину. Голова Романа дернулась в сторону от силы удара.

Он замер, прижав ладонь к горящей щеке. В его глазах отразилось искреннее, неподдельное изумление. На щеке медленно проступал красный след — клеймо её презрения.

— Моя цена — это моё достоинство, — прошипела Дарина, и её голос был подобен удару хлыста. — Но оно не продается. Особенно таким заскучавшим циникам, как вы, которые меряют людей по толщине кошелька. Вы думаете, что вы бог, потому что у вас есть счета в банках? Ошибаетесь. Вы — просто одинокий, несчастный человек, раз пытаетесь купить все и всех вокруг.

Она посмотрела на него с таким ледяным, нечеловеческим презрением, что Роману на секунду стало не по себе. В этом взгляде не было страха перед его властью или деньгами. Там была только абсолютная, чистая ненависть.

— Я лучше буду до конца жизни мыть унитазы, чем позволю такому, как вы, коснуться меня хоть пальцем, — добавила она, и её голос сорвался на шепот. — Всего хорошего, Роман. Надеюсь, ваш виски был достаточно крепким, чтобы заглушить то ничтожество, которое вы увидели в зеркале.

Дарина резко развернулась. Металл колес её тележки заскрежетал по плитке, когда она с силой дернула её на себя. Она уходила прочь, прямая как стрела, с высоко поднятой головой, не оборачиваясь.

Роман остался стоять на террасе, глядя ей в спину. Боль на щеке пульсировала, напоминая о случившемся, но внутри него разливалось странное, давно забытое чувство.

Это не был гнев. Это не было желание отомстить.

Это был восторг. Настоящий, дикий восторг хищника, который наконец-то встретил добычу, способную дать отпор.

— Ну надо же… — прошептал он, и на его губах появилась медленная, предвкушающая улыбка. — Значит, не продаешься?

Он повернулся к морю, которое теперь было залито ярким золотом. Скука этого утра испарилась без следа. Роман Алексеевич знал одно: эта гордая девчонка с мозолями на руках и сталью во взгляде только что пробудила в нем азарт.

Глава 7. Послевкусие

Весь оставшийся день после инцидента на террасе Дарина провела в состоянии, близком к трансу. Каждое резкое открывание двери в служебном коридоре заставляло её вздрагивать, а каждый вызов по рации казался предвестником смертного приговора. Она ждала, что вот сейчас, через минуту, её вызовет Галина Николаевна и со скандалом швырнет трудовую книжку в лицо. «За нарушение субординации», «за дерзость», «за нападение на постояльца». Дарина то и дело касалась кончиками пальцев своих губ, вспоминая тошнотворное предложение Романа, а потом смотрела на свою ладонь — ту самую, что оставила след на его холеном лице.

Внутри неё боролись два чувства: холодный ужас перед потерей работы и бешеное, кипучее торжество. Она дала отпор. Она не позволила превратить себя в товар.

Она поминутно проверяла статус выезда тридцатого этажа в общей базе отеля, прячась в каморке для инвентаря. Пальцы, всё еще хранившие фантомное жжение от удара, дрожали, когда она вводила пароль на терминале.

«Уезжают. Слава богу, уезжают», — выдохнула она, увидев наконец отметку о чекауте компании Романа к шести часам вечера.

Дарина заперлась в бельевой, прижавшись лбом к стопке холодных, хрустящих простыней. Сердце всё еще колотилось в горле, отдавая пульсом в виски. Почему он не пожаловался? Почему не стер её в порошок одним звонком на ресепшн? Это молчание пугало сильнее, чем любой крик. В мире, который она знала, за такие вещи всегда прилетала расплата. Но Роман просто уехал, оставив после себя лишь запах терпкого табака на балконе и багровый след на своей щеке в её лихорадочных фантазиях.

«Забудь, Дарина. Просто забудь», — приказала она себе, вытирая лицо ледяной водой над раковиной в туалете для персонала. — «Он — шторм, который прошел мимо, лишь слегка задев крышу твоего дома. Твоя задача — выжить и выбраться отсюда».

Прошел год.

Год, который Дарина могла бы описать одним словом: «ритм». Её жизнь превратилась в идеально отлаженный, хоть и беспощадный механизм. Теперь она не просто работала — она видела свет в конце туннеля. Каждая отложенная копейка, каждая купюра, спрятанная в тайнике под матрасом, была маленьким кирпичиком в фундаменте её будущей империи.

Она наконец-то накопила нужную сумму и записалась на курсы в лучшую академию парикмахерского искусства в городе. Теперь её день напоминал сложнейшее уравнение. Подъем в пять утра. В шесть она уже была в «Атлантике». Четыре часа интенсивной, почти яростной уборки номеров. Она научилась работать так быстро, что Галина Николаевна только диву давалась. В десять — пересменка, Дарина пулей летела на остановку, на ходу оттирая руки от чистящего средства и перекусывая яблоком или булкой прямо в автобусе. С одиннадцати до четырех — занятия в академии.

Тут Дарина по-настоящему оживала. Когда она впервые взяла в руки профессиональные ножницы — не те бытовые, которыми подстригала бабу Клаву, а настоящие, со сбалансированным весом и идеальной заточкой — её пальцы словно узнали их. Это было сродни магии. Когда она смешивала краски, наблюдая, как из белой эмульсии рождается глубокий шоколадный или жемчужный блонд, она чувствовала себя творцом. Её пористые, каштановые волосы, которые раньше были её проклятием, теперь стали объектом изучения. Она поняла, как их усмирять, как наполнять влагой, как заставлять сиять.

После курсов — снова работа. Она брала дополнительные смены на мойке или помогала в прачечной до позднего вечера. К полуночи, когда она возвращалась в свою каморку, ноги гудели так, будто были налиты свинцом, а спина молила о пощаде. Но Дарина засыпала с улыб-

кой. Мечта больше не была призраком — она обретала четкие контуры: вот её личный набор ножниц, вот фен, вот список предложений на аренду кресла в небольшом салоне.

С Авророй они стали общаться всё меньше. Пропасть, наметившаяся еще в первый год, превратилась в каньон. У Авроры всё сложилось «как у людей». За это время она встретила Павла — доброго, простого парня, работавшего механиком на катерах, полную противоположность ее предыдущего ухажера — Стаса. Он обожал Аврору, дарил ей охапки полевых цветов и мечтал о тихой квартире, детях и совместных выходных за просмотром сериалов.

— Даш, ну ты посмотри на себя, — Аврора со вздохом разглядывала подругу, когда они изредка выбирались выпить дешевого кофе. — Ты же прозрачная стала. Одни глаза и родинки на плечах остались. Зачем тебе этот салон? Паша говорит, у них в сервисе диспетчер нужен, зарплата стабильная, график человеческий. Пошли?

Дарина смотрела на подругу и не понимала. Как можно добровольно согласиться на этот тихий омут, когда вокруг целый океан возможностей? Она видела, как гаснет в Авроре тот огонь, который когда-то гнал их из деревни. Теперь подруга была довольна малым, её горизонт сузился до размеров уютной кухни.

— Каждому свое, Аврор, — мягко отвечала Дарина, потирая мозоль на ладони. — Я не смогу сидеть на телефоне и принимать заказы на ремонт моторов. Я на второй день завою.

Они по-разному смотрели на мир. Для Авроры счастье было в покое, для Дарины — в движении вверх.

На курсах Дарина нашла себе новую союзницу — Оксану. Эффектная блондинка с идеальным каре и пронзительными голубыми глазами, Оксана была старше Дарины на пять лет и обладала той самой «городской хваткой», которой Дарине еще не хватало. Она была бойкой, острой на язык и, как и Дарина, одержимой профессией.

— Слушай, у тебя руки золотые, но лицо — как у партизана на допросе, — смеялась Оксана, когда они вместе отрабатывали технику стрижки на манекенах. — Расслабься. Клиент должен чувствовать твою уверенность, а не то, что ты готова его зарезать этими ножницами за неправильный ответ. Мы не просто стрижем, Дар. Мы продаем самооценку. А это самый дорогой товар в мире.

Проблемы пришли оттуда, откуда Дарина не ждала. Дети бабы Клавы — сын и невестка, которые раньше появлялись раз в полгода, вдруг зачастили к матери. Они с подозрением косились на Дарину, когда та вечером возвращалась с учебы с чемоданчиком инструментов.

— Мама, ты понимаешь, что пустила в дом постороннюю девку? — Дарина случайно услышала разговор в прихожей. — Она же на квартиру твою зарится! Окрутит тебя, подпишешь какую-нибудь бумагу — и мы на улице останемся. Видали мы таких «бойких» из деревни. Приедут с грязными пятками, а через год уже хозяйки!

Обвинение было настолько абсурдным и обидным, что Дарина застыла в своей комнате, боясь пошевелиться. Она, которая исправно платила за каждый месяц, приносила старушке продукты и часами слушала её рассказы, вдруг стала «черным риелтором». Ситуация накалялась: сын бабы Клавы начал открыто хамить, проверять её сумки и требовать, чтобы Дарина съехала.

Вечером после занятий Дарина сидела в дешевой закусочной с Оксаной, едва сдерживая слезы ярости.

— Представляешь, Окс? Они думают, что мне нужна эта хрущевка с запахом нафталина! Бабе Клаве стыдно, она плачет, но против сына пойти не может. Но там такой символический ценник был, где я сейчас такое найду?

Оксана задумчиво вертела в руках зажигалку.

— Значит так. У меня предложение. Давай снимем квартиру на двоих? Я тоже живу в однушке. Так и мне будет выгоднее. Я видела вариант — двушка, правда, убитая, но район хороший, поближе к центру. Будем платить пополам, выйдет чуть дороже, чем у твоей старушки, зато никто в спину шипеть не будет.

Дарина подняла взгляд на подругу. Внутри шевельнулся страх — новые расходы. Но рациональная часть мозга тут же подсказала: это выход.

— А мы потянем?

— Потянем, Дашка. Я больше смен в салоне возьму, ты в своем «Атлантике» еще зацепись. Зато будем сами себе хозяйки. Будешь на мне колористику отрабатывать. Идет?

— Идет.

В ту ночь Дарина долго не могла уснуть. Она паковала свои скудные вещи: застиранные сарафаны из Порушного, которые теперь казались одеждой из прошлой жизни, учебники, каталоги. Она вышла на балкон старой квартиры в последний раз. Город внизу сиял мириадами огней. Где-то там, в элитном квартале, возвышался «Атлантик» — место её ежедневной каторги и её главного жизненного урока.

Дарина коснулась своей щеки. Прошел год, но она иногда всё еще чувствовала то странное напряжение того утра. Роман Алексеевич… Она тогда еще узнала его полное имя на всякий случай, и так и не смогла забыть.

Тем же вечером Дарине позвонила Вика. Сестра в этом году заканчила школу в Порушном, и этот вопрос висел над Дариной дамокловым мечом. Она обещала забрать Вику, обещала ей университет, но реальность города была суровее её деревенских мечтаний. Вика ждала помощи Дарины с начала лета.

— Дариш, аттестат с июля еще на руках, — голос Вики в трубке звучал тихо и как-то непривычно по-взрослому, без прежнего задора. — Мама говорит, надо в агротехнический подавать, там хоть общежитие дают и можно попробовать на стипендию претендовать…

Дарина сжала телефон так, что побелели костяшки. Она сидела на своей узкой кровати в комнате у бабы Клавы, глядя на облупившуюся краску на подоконнике.

— Никакого агротехнического, Вика. Мы договаривались. Ты должна учиться на экономиста или юриста в городе. Чтобы у тебя была база.

— Дарина, на бюджет я не прошла по баллам — сама знаешь, какая у нас школа. А платное… папа вчера весь вечер молчал, на банку с деньгами смотрел. Там на один семестр не хватит. Я… я решила, Даш. Я останусь в деревне в этом году. Маме в магазине помогу, папе в огороде. Это называется «гэп йеар», я в интернете читала. Отдохну, подготовлюсь сама.

У Дарины защемило сердце. Она видела эту картину: её нежная, красивая сестра превращается в тень матери, закручивая бесконечные банки под палящим солнцем.

— Вик, послушай меня. Я помню, я обещала, но сейчас точно не потяну нас двоих. Я только-только на курсы накопила, мне нужно инструменты купить, за жилье платить… Но у меня есть план. Потерпи этот год. Твоя идея хорошая. Помогай родителям, но учись! Каждый день учись. Я в следующем году встану на ноги, начну работать в салоне, и я клянусь — я оплачу твою учебу. Мы выберемся. Обе. Слышишь?

— Слышу, Даринка, — Вика всхлипнула. — Я верю тебе. Ты у нас пробивная.

После этого разговора Дарина не спала всю ночь. Чувство вины грызло её, но оно же стало лучшим топливом. Теперь она не имела права на слабость.

Ей двадцать лет. У неё не было ничего, кроме таланта, новой подруги и стальной воли. Но ей казалось, что этого достаточно, чтобы перевернуть мир. Она выполнит обещание, данное Вике. Она станет лучшей. И больше никто и никогда не предложит ей «цену за ночь».

Прыжок в неизвестность продолжался. И Дарина не собиралась падать.

Глава 8. Возвращение «хозяина жизни»

День, когда Дарина купила свои первые по-настоящему профессиональные инструменты, стал для неё вторым днем рождения. Она помнила каждое мгновение: как дрожали пальцы, когда она выкладывала на прилавок специализированного магазина тугую пачку честно заработанных, пахнущих хлоркой и моющими средствами купюр. Продавец, холеный юноша с идеальной укладкой, смотрел на неё с легким недоумением — эта худенькая девушка в недорогой куртке выбирала ножницы из высокоуглеродистой японской стали так придирчиво, словно покупала не инструмент, а как минимум скрипку Страдивари.

— Эти, — твердо сказала она, взвешивая на ладони элегантные, матово-черные ножницы.

Они легли в руку как влитые. В этот момент Дарина почувствовала почти физический прилив сил. Это были не просто железки — это было её оружие. Её пропуск из мира серых коридоров и чужого грязного белья.

Дома, в их новой с Оксаной квартире, Дарина устроила целый ритуал. Она разложила на столе кожаный чехол, фен с ионизацией, набор расчесок и зажимов. Оксана, наблюдавшая за этим, потягивая кофе, только покачала седой... нет, теперь уже платиновой головой — Дарина вчера обновила ей цвет.

— Ну всё, Сиренева, теперь ты официально опасна, — усмехнулась Оксана. — С такими «перьями» ты либо станешь звездой, либо кого-нибудь зарежешь за кривой пробор.

Дарина не отвечала. Она осторожно коснулась лезвия пальцем. В голове крутился ритм её новой жизни: три месяца в новой квартире пролетели как один миг. Теперь она тренировалась на коллегах-горничных из «Атлантика». Слух о том, что Дарина Сиренева «учится на парикмахера и делает круто», разлетелся по служебным каморкам быстрее, чем графики проверок.

По вечерам, после изнурительных смен, она не шла спать. Она шла в корпус для персонала или принимала девчонок у себя.

— Дарин, ну сделай мне как у той актрисы из сериала, — канючила Леночка, горничная с четвертого этажа, усаживаясь на табуретку в кухне. — У меня свидание в субботу, хочу, чтобы он ахнул.

Дарина щелкала ножницами, и весь мир вокруг переставал существовать. Исчезали боли в спине, забывались едкие замечания Галины Николаевны, растворялась усталость. Оставались только пряди, геометрия стрижки и предвкушение результата. Она набивала руку, доводя движения до автоматизма. Она училась чувствовать структуру волоса, понимать, как ляжет челка, если срезать её под определенным углом.

— Всё, смотри, — Дарина поднесла зеркало.

Леночка замерла, касаясь своих обновленных волос. В её глазах вспыхнул тот самый свет, о котором говорила Оксана. Свет уверенности.

— Господи, Дашка… Да ты волшебница! — Лена бросилась ей на шею.

Дарина улыбалась, но её мысли уже были дальше. Она уже присматривала место для аренды кресла в небольшом салоне неподалеку. Но для этого нужно было еще немного поднажать. Еще пара месяцев «грязной работы» в «Атлантике», и она сможет уйти.

Месяц за месяцем она чувствовала, как растет её мастерство, и вместе с ним росла её уверенность. Она больше не была той испуганной девочкой из деревни. В её взгляде, когда она смотрела на себя в зеркало, теперь читалась не только усталость, но и холодный, расчетливый азарт.

———

В этот апрель отель «Атлантик» встретил Романа привычным блеском хрустальных люстр и вышколенной улыбкой швейцара. Было далеко за полночь, но жизнь здесь не затихала.

Роман только что закончил тяжелые переговоры со владельцем сети, Виктором Павловичем. Они обсуждали строительство нового гранд-отеля в Сочи, проект которого курировал строительный холдинг Романа - «Шторм Групп».

Переговоры прошли успешно, но оставили после себя неприятный осадок — Виктор был человеком старой закалки, жадным и мелочным, торговавшимся за каждый квадратный метр плитки. Роману хотелось смыть с себя этот день. Так или иначе он заложил фундамент для будущих экономически эффективных отношений. Этот вечер того стоил. Он решил не ехать в свой любимый загородный дом, лень было добираться даже до городской квартиры, поэтому остался здесь, в одном из забронированных для него люксов.

Подходя к стойке регистрации, Роман вдруг поймал себя на странном чувстве дежавю. Память услужливо подбросила образ: раннее утро, терраса, запах моря и… дерзкая девчонка с мозолями на руках.

Прошло больше полутора лет. Он почти забыл об этом инциденте, но сейчас, оказавшись в тех же декорациях, вдруг почувствовал укол любопытства. Та пощечина была единственным ярким событием в череде его бесконечных, предсказуемых побед. Она была единственной, кто посмотрел на него с таким искренним, неразбавленным презрением.

«Моя цена — это моё достоинство…»

Роман усмехнулся своим мыслям. Интересно, где она сейчас? Сломалась ли под тяжестью этого города? Нашла ли своего «принца-механика» или всё так же драит унитазы, мечтая об империях?

Он подошел к стойке ресепшн. За стойкой стояла молодая администратор, чья улыбка была настолько безупречной, что казалась нарисованной.

— Доброй ночи, Роман Алексеевич. Ваш ключ готов, тридцатый этаж, пентхаус «А», — пропела она, протягивая пластиковую карту.

Роман не спешил уходить. Он облокотился на стойку, пристально глядя на девушку.

— Послушай… Как тебя зовут?

— Кристина, — девушка чуть выпрямилась, в её глазах мелькнула надежда.

— Кристина, у меня к тебе вопрос. Почти два года назад, на тридцатом этаже работала горничная. Худощавая, каштановые густые волосы, чуть вьющиеся, сама атлетичного телосложения. Очень… характерная особа. Ты не могла бы узнать, работает ли она еще здесь?

Кристина на секунду растерялась. Она быстро застучала пальцами по клавиатуре.

— Роман Алексеевич, у нас в штате за последний год только было наверно более двухсот горничных. Смены постоянно меняются, текучка кадров большая… Описание, которое вы дали… под него подходит добрая треть персонала. Каштановые волосы, средний рост… Вы не помните имени? Или хотя бы фамилии?

— Да...рина, кажется так — произнес он, и само это имя отозвалось в нем странным теплом. — рост ну… может чуть выше среднего, да, зовут точно Дарина.

Администратор снова углубилась в монитор. Лицо её стало сосредоточенным.

— Смотрю… Дарина Волкова — уволилась полгода назад. Дарина Самойлова — работает на кухне. Дарина Сиренева… — Кристина замолчала. — Есть такая. Работает в клининге. Но сейчас она не на смене.

— Сиренева? — Роман приподнял бровь. — Это она?

— Я не могу знать наверняка, Роман Алексеевич, это в общем-то закрытая информация, я не должна делиться ею с постояльцами, — Кристина виновато улыбнулась. И чуть с задержкой добавила. — Фотографии в базе есть, но они паспортные, годовой давности. Горничные

все в форме, с убранными волосами… так они почти на одно лицо, Роман Алексеевич. Если хотите, я могу вызвать старшую смены…

Роман почувствовал раздражение. Он достал из бумажника крупную купюру и небрежно положил её на стойку, пододвинув к девушке.

— Узнай точно. Вряд ли у вас все Дарины под копирку. Нужна худенькая, смуглая и с вьющимися темными волосами. Еще у нее глаза карие кажется.

Кристина смущенно прикрыла купюру рукой, но её глаза лихорадочно блестели. Она еще несколько минут что-то проверяла, заходила в архивы жалоб и поощрений.

— Роман Алексеевич, — наконец произнесла она тише. — В архиве жалоб на Дарину Сиреневу ничего нет. Прописка деревенская, не замужем, детей тоже нет. Возраст - 21 год исполнилось в апреле. Но… я не могу подтвердить, та ли это девушка. Они все одинаковые в этих серых платьях. Смуглые, кареглазые… у нас много девочек из области. Ничего примечательного. Тем более вдруг вы ошиблись с именем.

Роман почувствовал, как к горлу подкатывает скука. Она была права. В его мире горничные были лишь тенями, фоновым шумом. Та, что дала ему пощечину, в его воображении была уникальной, но для системы отеля она была лишь строчкой в штатном расписании. Посредственностью. Одной из многих. Тем более кажется это была та самая девушка, и она до сих пор была горничной.

«Ничего примечательного».

Эти слова больно ударили по его самолюбию. Она же всего лишь уборщица, и до сих пор ею остается. Неужели он так ошибся? Неужели за тем стальным взглядом не было ничего, кроме юношеского максимализма, который уже давно стерся о кафель ванных комнат?

— Понятно, — коротко бросил он, забирая ключ-карту. — Забудь.

Он направился к лифту, чувствуя себя глупо. Зачем он вообще это затеял? Какое ему дело до девчонки из деревни? У него стройка на миллиарды, у него жизнь, расписанная по минутам.

Но, заходя в панорамный лифт и глядя на огни ночного города, Роман поймал себя на мысли, что разочарован. Он хотел верить, что она пошла дальше. А она оказалась просто горничной, которую невозможно даже отличить от других.

Он вышел на тридцатом этаже. Коридор был пуст и пах лавандовым освежителем. Роман прошел к своему номеру, открыл дверь и… замер.

Номер был идеально чист. На столе стояла свежая вода, простыни были заправлены с той самой маниакальной тщательностью, которую он пытался разглядеть. На прикроватной тумбочке лежала маленькая карточка: «Желаем вам приятного отдыха!». Он вообразил как этот порядок наводила для него, для гостя, сама Дарина.

Подписи не было.

Роман подошел к окну и посмотрел в даль. Где-то там, внизу, в серой массе домов и огромного количества людей жила Дарина Сиренева. «Ничего примечательного».

Он закрыл глаза, и на мгновение ему снова почудился запах полевых трав и лимона. Он не мог точно помнить ее запаха, но подумав о ней, именно этот аромат иллюзорно ощутило его обоняние.

— Мхм... Сиренева, — прошептал он в пустоту номера.

В ту ночь Роман спал плохо. Ему снились карие глаза, полные ненависти. А Дарина в это время спала крепким сном в своей новой квартире, даже не подозревая, что «хозяин жизни» интересовался простой горничной, которую видел больше года назад.

И пусть он, как и все вокруг, видел ее тенью, затеряв образ в обществе, она ощущала себя человеком, идущим к своей цели по своему пути.

Глава 9. Хаос в империи

Офис «Шторм Групп», занимающий пятиэтажное небольшое здание в технологичном стиле, напоминал идеально отлаженный, но работающий на пределе возможностей механизм. Сквозь панорамные окна в кабинет Романа Алексеевича врывался ослепительный свет полуденного солнца, отражаясь от стеклянных поверхностей и полированного металла. Но даже этот свет не мог разогнать тучи, сгустившиеся над дубовым столом владельца империи.

Роман сидел в глубоком кожаном кресле, глядя на три монитора, где бесконечными лентами бежали котировки, графики строительства сочинского объекта и отчеты по прибыли сети фитнес-центров. Это было его любимое рабочее место. Еще одно рабочее место он оборудовал себе в административной части своего первого фитнес-центра. Его дело росло лавинообразно. То, что начиналось как сеть автомоек и магазин запчастей, превратилось в гигантского спрута, чьи щупальца требовали неусыпного контроля. Роман был собственником до мозга костей — он не просто владел, он хотел чувствовать пульс каждого своего предприятия. И если раньше все мелочи он контролировал сам, то сейчас ему с рутинными задачами как в быту, так и в бизнесе помогали помощницы. Их у него было двое - Надежда и Лидия. Но даже они уже кажется не справлялись с объемами.

Требовалась небольшая реструктуризация в "управлении делами", чтобы не загружать свой мозг операционными задачами.

— Надежда, Лидия, ко мне, — бросил он в селектор.

Через минуту дверь кабинета бесшумно открылась. Первой вошла Надежда. Она была воплощением бизнес-логики Романа. Строгий костюм, безупречное каре, холодный, проницательный взгляд. Надежда занимала пост бизнес-ассистента последние три года. Она была можно сказать «акулой», которой можно было доверить как диалог с поставщиками, так и составление финансового отчета. Она жила цифрами, контрактами и аналитикой. В ней не было места для лишних эмоций — только эффективность.

Следом, чуть мягче, вошла Лида. Личный ассистент Романа. Она была его «тенью» в быту. Именно Лида заказывала ему витамины, подбирала гардероб для поездок и даже мягко, но настойчиво отваживала от босса слишком навязчивых поклонниц, если они попадали в ее поле зрения. Лидии безумно нравилась эта близость к Роману. Ей нравилось быть той единственной, кто видел его уставшим, кто знал его привычки и пожелания. Она чувствовала себя почти незаменимой, оберегая личное пространство босса с преданностью верной охраны.

Роман обвел их взглядом.

— Ситуация простая: вы не успеваете с решением всех задач, — начал он без предисловий. Его голос, сухой и властный, заполнил пространство кабинета. — Надежда, твой функционал как бизнес-ассистента перерос границы. Ты фактически курируешь три департамента. Лида, ты зашиваешься и поэтому у тебя просела внимательность. Нам нужна иерархия и еще одни руки. Перемены вас должны взбодрить.

Надежда едва заметно кивнула, сохраняя каменное выражение лица. Лида же невольно сжала пальцы, чувствуя, как внутри шевелится тревога.

— Я задумался о перестановках, и вижу это так, — продолжил Роман, откидываясь на спинку кресла. — Надежда, с сегодняшнего дня ты официально становишься Главным ассистентом руководителя. Ты — глава моего офиса. Твоя задача — стратегическое управление обоими блоками: и бизнесом, и личными вопросами. Ты замыкаешь на себе все потоки информации и контролируешь работу остальных помощников.

В глазах Надежды на секунду вспыхнул триумфальный блеск. Это было признание. Это была власть, к которой она стремилась. Быть правой рукой Романа Алексеевича, его вторым «я» — это был пик карьеры.

— Благодарю за доверие, Роман Алексеевич, — ровно ответила она.

— Теперь ты, Лида, — Роман перевел взгляд на вторую помощницу. — Ты давно в структуре, и я вижу, что твой потенциал выше, чем просто бронирование отелей и заказ обедов. Ты переходишь на позицию бизнес-ассистента вместо Надежды. Будешь работать под её началом, вести стройки, контракты, протоколы встреч. Это твой шанс вырасти.

Лида почувствовала, как земля уходит из-под ног. Бизнес-ассистент? Это означало отчеты, графики, бесконечные цифры Надежды и… отдаление от Романа. Она больше не будет заходить к нему с утренним кофе, не будет выбирать ему парфюм, не будет «своим» человеком в его личной жизни. Её повышали, но фактически — выставляли за дверь его интимного пространства, переводя в разряд корпоративных винтиков.

Она хотела бы поспорить, закричать, что она не хочет в бизнес, что её место рядом с ним. Но сухой взгляд Романа не оставлял места для дискуссий. Он ценил результат, а не её преданность.

— Я… я справлюсь, Роман Алексеевич. Спасибо, — выдавила она, стараясь, чтобы голос не дрожал. Она понимала, что он уже все решил. В глубине души она уже строила план, как выбить себе особые условия, прикрываясь новым статусом, но горечь поражения была почти физической.

— Отлично, — Роман кивнул, не замечая или не желая замечать драму своей помощницы. — Но теперь у нас пустует место личного ассистента. Человека, который будет заниматься «полями»: объездами залов, контролем чистоты на объектах, снабжением дома, закупками и всей той рутиной, которую вела Лида. Но Лида, ты будешь курировать этого новичка на первых порах.

Надежда и Лида переглянулись. В кабинете повисло тяжелое, почти осязаемое напряжение.

— Роман Алексеевич, мне поручить отделу кадров поиск кандидатов? — спросила Надежда, уже прикидывая требования к новой «золушке» на побегушках.

— Нет, пока не надо, — отрезал Роман.

Он замолчал, и в его памяти внезапно, как вспышка молнии, возник образ: раннее утро, терраса «Атлантика», запах морской соли и… стальной взгляд карих глаз. Звонкая пощечина, которая до сих пор фантомно жгла его щеку. Горничная. Девчонка из деревни, которая не продалась за пачку купюр и имела дерзость смотреть на него, хозяина жизни, как на пустое место.

Роман Алексеевич был собственником. И он не любил проигрывать. Та встреча осталась в его памяти занозой, которую он никак не мог вытащить. «Ничего примечательного», — сказал ему администратор. Но Роману все же показалось, что в той девчонке была сталь. Та самая сталь, которой ему сейчас не хватало в его стерильном, услужливом окружении. Все вокруг кивали и соглашались, Лида заглядывала в рот, Надежда была идеальной машиной. Ему нужен был кто-то, кто умеет быть исполнительным и инициативным одновременно.

— У меня есть на примете одна особа, — произнес он, и на его губах появилась едва заметная, хищная улыбка. — Надежда, свободна. Лида, останься.

Когда Надежда вышла, Роман повернулся к Лиде.

— Твое первое задание в новом качестве. Найди мне контакты службы клининга «Атлантика». И узнай, работает ли там еще Дарина Сиренева. Если да — я хочу видеть её здесь завтра к десяти утра. Скажи ей… — он на секунду задумался, — скажи, что это по поводу ущерба, нанесенного репутации акционера отеля. Придумай что угодно, но она должна быть здесь.

Лида замерла. Ревность, острая и колючая, полоснула по сердцу. Дарина? Кажется это имя всплывало. Он уже искал её.

— Роман Алексеевич, но это же вроде простая уборщица… Вы уверены, что она справится с вашими требованиями? — робко попыталась она.

— Лида, — в голосе Романа прозвучал металл, — Выполняй. И помни: теперь ты бизнес-ассистент. Это новый для тебя уровень обязанностей.

Когда Лида вышла, Роман подошел к окну. Он чувствовал странный, давно забытый азарт. Хаос в делах требовал жестких мер, но этот личный интерес… он был как глоток ледяной воды в пустыне. Он хотел увидеть, что сделала с ней эта форма за это время. Сломала или закалила?

А в это время на другом конце города Дарина Сиренева, закончив очередную тренировку на манекене в своей новой квартире, бережно протирала свои японские ножницы. Она мечтала о тишине и собственном деле, не подозревая, что «Шторм» уже набрал силу и готов обрушиться на её жизнь, разрушая все её планы.

Судьба любила иронию. Роман хотел помощницу, которая не боится грязи. А Дарина как раз знала о грязи всё.

Глава 10. Неожиданный визит

Утро в «Атлантике» началось для Дарины со странного предчувствия. Оно зудело где-то под лопатками, мешая сосредоточиться на привычном ритуале: тележка, белье, пыль, зеркала. Когда в дверях служебного помещения появилась Лида — безупречно одетая женщина в дорогом костюме цвета «кэмел», чьи туфли на шпильках выстукивали по кафелю приговор — Дарина поняла: предчувствие не обмануло.

Лида не вписывалась в изнанку отеля. Она выглядела здесь как экзотическая птица, случайно залетевшая в загон к рабочим волам. Она окинула Дарину коротким, пренебрежительным взглядом, в котором читалась разница в социальном статусе.

— Дарина Сиренева?

Дарина выпрямилась, не выпуская из рук стопку полотенец. Её стальной взгляд скрестился с холодными глазами гостьи.

— Слушаю вас.

— Меня зовут Лидия, я ассистент Романа Алексеевича. Вы, полагаю, помните его? — Лида сделала паузу, наслаждаясь тем, как Дарина на секунду побледнела. — У Романа Алексеевича возникли вопросы по поводу одной… досадной ситуации пару лет назад. Он не любит оставлять незавершенные дела.

Дарина почувствовала, как внутри всё похолодело. Неужели? Спустя столько времени? Она столько месяцев жила в страхе, потом успокоилась, решив, что он забыл. И вот теперь — эта холеная женщина с угрозой в голосе.

— Я не понимаю, о чем вы, — Дарина постаралась придать голосу твердость, хотя сердце колотилось в ребра.

— Всё вы понимаете, — Лида чуть сузила глаза. Она решила пойти путем запугивания, самым эффективным на ее взгляд.— Роман Алексеевич ждет вас сегодня в десять утра в офисе «Шторм Групп». Если вы не придете, вопрос будет решаться через администрацию отеля и… юридический отдел. Думаю, вам не нужна огласка, которая поставит крест на вашей работе здесь.

Это был удар ниже пояса. Дарина сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Откуда они знают? Как глубоко они копали? Страх за свое будущее, за накопленные крохи и за репутацию перед родителями перевесил гордость.

— Хорошо. Я приду, — выдохнула она.

Здание «Шторм Групп» встретило Дарину прохладой кондиционеров и пугающей стерильностью. Она пулей полетела домой после ночной смены, переоделась свое лучшее платье — темно-синее, простое, но подчеркивающее её стройную фигуру, и поторопилась по незнакомому адресу. Здесь, среди стекла и металла, она всё равно чувствовала себя маленькой и беззащитной.

На ресепшн её уже ждали.

— Проходите, вас проводят на собеседование, — улыбнулась девушка-администратор.

«Собеседование? Какое еще собеседование?» — Дарина нахмурилась, но последовала за провожатой. Мысли путались. Она шла по длинным коридорам, мимо кабинетов, где люди в наушниках вершили судьбы миллионов, и чувствовала, как растет её недоумение.

Когда тяжелая дверь кабинета Романа Алексеевича открылась, Дарина на секунду ослепла от яркого света. Роман сидел за огромным столом, просматривая какие-то документы. Сегодня на нем не было расстегнутой рубашки и босых ног. Белоснежная сорочка, идеальный галстук, властный разворот плеч. Он выглядел как истинный хозяин этой стеклянной империи.

— Присаживайся, Дарина, — произнес он, не поднимая глаз.

Дарина села на край кожаного стула, чувствуя себя как на допросе. Внутри неё кипела смесь страха и злости. Зачем он это устроил?

— Здравствуйте. Вы хотели обсудить... «ущерб репутации»? — начала она первой, стараясь не выдать дрожь в голосе.

Роман наконец поднял взгляд. В его зеленых глазах заплясали знакомые искры. Он медленно откинулся на спинку кресла, рассматривая её так, будто видел впервые.

— Нет, конечно. Ты меня тогда впечатлила, но это уже осталось в прошлом. Что ж, надеюсь, ты повзрослела с последней нашей встречи. И с достоинством оценишь предложение.

— Я не понимаю зачем пришла сюда, — отрезала Дарина. — Я подумала, вы хотите, чтобы я извинилась за ту пощечину...

Роман неожиданно рассмеялся. Искренне.

— Извинения? От тебя? Это было бы слишком скучно.

Он поднялся и подошел к окну, заложив руки в карманы брюк.

— Я наблюдал за тобой. Ты работаешь в «Атлантике» более двух лет. Горничная. Но при этом учишься в академии парикмахеров, тратишь все свои деньги на учебу и арендуешь комнату с какой-то блондинкой. Ты бойкая, Дарина. И ты не боишься грязи.

Дарина замерла. Он знал всё. Абсолютно всё. Это пугало и в то же время вызывало странный азарт.

— Зачем я здесь, Роман Алексеевич?

Он резко повернулся к ней.

— Моя структура растет. Мне нужен помощник на личные задачи с характером и выдержкой. Освободилось место личного ассистента. Лида перешла в бизнес-блок, Надежда теперь главный ассистент. Мне нужен кто-то, кто станет моими «глазами» на моих “непрофильных активах”. Кто будет проверять чистоту и порядок в моей работе и быту, следить за снабжением, выполнять мои личные поручения, которые требуют порой жесткости и прямолинейности.

Он подошел ближе, и Дарина почувствовала его энергию — мощную, подавляющую.

— Ты умеешь работать руками. И ты, предполагаю, хочешь вырваться из нищеты. Поэтому я вижу в тебе перспективу и предлагаю тебе работу.

Дарина нахмурилась, не веря своим ушам.

— Работу? Ассистентом? Вы серьезно?

— Именно так, — перебил он её. — Мне нужен человек, который не будет бояться работы. И твой оклад будет в несколько раз больше, чем в «Атлантике».

Роман назвал сумму, и у Дарины на мгновение перехватило дыхание. Это был короткий путь к её мечте. Прямой телепорт в собственное кресло парикмахера, а затем и в салон. Он знал, чем заинтересовать.

— Я не понимаю… — прошептала она. — Почему я?

— Потому что ты сумела показать себя настоящую и мне это понравилось, Дарина. Ты умеешь ставить цели и грамотно к ним стремиться. А мне сейчас нужно именно это. Условие одно: полная отдача. Тебе ведь это свойственно, не так ли?

Дарина молчала. В её голове шел яростный бой между гордостью и рациональностью. Гордость кричала: «Беги от него!». Но рациональность, подкрепленная воспоминаниями о

мозолях и съемной убитой квартире, шептала: «Это твой шанс. За полгода ты заработаешь возможно на свой салон. Потерпишь его, это всего лишь работа».

Она посмотрела на Романа. Он ждал, в его взгляде читалось превосходство. Он знал, что она не сможет отказаться от такого предложения.

— Мне нужно время подумать, — сказала она, поднимаясь.

— У тебя есть сутки, — Роман чуть склонил голову. — Но помни: такие шансы выпадают один раз. Ты можешь до конца жизни убираться и стричь за копейки, а можешь стать частью чего-то великого. И купить себе сто таких наборов ножниц, о которых ты сейчас мечтаешь.

Дарина вышла из офиса, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Весь путь до дома она провела в тумане.

«Ассистент Романа Алексеевича».

Она зашла в квартиру, где Оксана уже раскладывала на столе новые красители.

— Дашка, ты чего такая? Будто привидение видела.

— Окс, — Дарина присела на табуретку, — мне предложили работу. В «Шторм Групп». Личным помощником Романа.

Когда она озвучила сумму, Оксана выронила тюбик с краской.

— Сиренева, ты еще думаешь? Да за такие бабки я бы пошла к нему даже пятки чесать! Это же мечта, Даш! Через полгода ты сама сможешь диктовать условия.

Дарина закрыла глаза. Она видела перед собой не салон, а холодные зеленые глаза Романа. Она чувствовала скрытый мотив: он хотел подчинить её. Хотел превратить её в свою «тень». Ее не покидало чувство, что тогда она задела его, а он лишь запомнил это и хочет отомстить. С другой стороны, он ведь настолько занят, вряд ли на такие пустяки будет тратить время и силы.

«Нужен человек, который не боится работы», — всплыли его слова.

Она понимала, что эта работа — сделка с дьяволом. Но этот дьявол предлагал ей ключи от рая, о котором она мечтала с самого детства. Накопленные средства от этой работы позволят ей не просто арендовать кресло, а открыть свою студию. Помочь родителям. Дать Вике образование.

— Я соглашусь, — тихо произнесла Дарина, глядя на свои руки. Мозоли на них еще не зажили, но она уже чувствовала, как в пальцах просыпается новая, неизведанная сила.

Она пойдет на это. Но Роман Алексеевич сильно ошибается, если думает, что купил её. Она возьмет у него всё, что ей нужно для мечты, и уйдет с высоко поднятой головой.

Игра на выживание переходила на новый уровень.

Глава 11. Сомнения

Вечер в новой квартире на окраине города дышал прохладой и запахом дешевого цветочного освежителя. Дарина сидела на подоконнике, подтянув колени к подбородку, и смотрела на то, как уличные фонари один за другим разрезают сгущающиеся сумерки. На коленях у неё лежал небольшой прямоугольник из плотного, матового картона — визитка Романа Алексеевича. Лаконичный дизайн, тиснение, номер, который казался ключом от другого измерения. Она вертела её в руках с такой осторожностью, словно это была не карточка, а заряженное взрывное устройство.

Сутки на раздумья. Роман дал ей ровно двадцать четыре часа, и этот таймер в её голове тикал громче, чем старые настенные часы в прихожей.

Дарина чувствовала себя так, будто стояла на краю обрыва. С одной стороны — привычная, хоть и изматывающая до дрожи в коленях жизнь горничной. Она знала там каждый угол, каждую категорию пятен на коврах, знала, что через год или полтора, экономя на всём, кроме воздуха, она сможет открыть крошечную парикмахерскую на окраине. С другой стороны — предложение Романа. Сумма, которую он озвучил, кружила голову, заставляя рациональную часть её мозга лихорадочно пересчитывать сроки. Полгода. Всего полгода работы на него — и она сможет не просто арендовать кресло, а открыть собственную студию. Дать Вике достойное образование. Возможно даже купить родителям новую машину. Перспективы слегка кружили голову.

Но что-то в этом предложении пугало её до ледяной ломоты в костях. Роман Алексеевич не был похож на мецената или доброго самаритянина. Он был хищником. Собственником. Человеком, который привык, что мир прогибается под его тяжелым взглядом.

«Почему я? — этот вопрос не давал ей покоя. — Неужели во всем городе не нашлось профессионального ассистента с дипломом МГУ и знанием трех языков? Почему он выбрал девчонку из деревни, которая год назад оставила след своих пальцев на его лице?»

Ей казалось, что под красивой оберткой высокой зарплаты скрывается какой-то подвох, неозвученные условия, которые могут лишить её самого дорогого — той самой свободы, ради которой она и сбежала из Порушного. Он ведь сказал: «Мне нужен человек, который готов ради работы на все». Или что-то в этом роде. Но что он конкретно под этим подразумевал?

Оксана на кухне гремела кастрюлями, что-то весело напевая. Она уже всё для себя решила: Дарина — дура, если откажется. Но Оксана смотрела на мир проще, через призму выгоды и комфорта. Дарина же не могла избавиться от ощущения, что вступает на тонкий лед.

Дрожащими пальцами она достала телефон и набрала знакомый номер.

— Алло? Даринка? — Голос Вики, звонкий и родной, мгновенно заполнил комнату, принося с собой запах летних трав и домашнего уюта. — Ты чего так поздно? Случилось что?

— Нет, Вик, всё нормально… Просто… — Дарина замолчала, подбирая слова. — Мне предложили новую офисную работу. Очень хорошую. Денег в разы больше, чем сейчас.

— Да ладно! — Вика ахнула на том конце провода. — Даринка, это же чудо! Это же твой салон! Ты же сможешь… Господи, папа так обрадуется!..

Дарина закрыла глаза, чувствуя, как к горлу подкатывает комок. Тяжелое дыхание отца, вечные заботы матери — всё это было её ответственностью. Она была старшей. Она была той, кто должен был пробить эту стену.

— Не торопись пожалуйста им рассказывать, они ведь думают, что я учусь в техникуме. Да и в этой организации... там… босс сложный, Вик. Мы с ним раньше… — Дарина запнулась, не желая рассказывать сестре подробности встречи в «Атлантике». — Он властный очень. Я боюсь, что работа съест меня целиком. Что я перестану себе принадлежать. Кароче, сомневаюсь очень.

— Дарин, послушай меня, — голос Вики стал серьезным, почти взрослым. — Ты всегда была самой сильной. Ты из нашей деревни вырвалась, ты в городе сама устроилась. Тебя никто не сломает, если ты сама не позволишь. Подумай о мечте. Ты ведь всегда говорила, что ради своего дела готова на всё. Ну, потерпишь его немного, заработаешь капитал — и уйдешь.

Дарина улыбнулась сквозь слезы. Сестра всегда умела найти те самые слова, которые возвращали ей почву под ногами.

— И про учебу на парикмахера… я не хочу её бросать, Вик. Мне осталось совсем немного до диплома академии.

— Так поставь условие! — горячо воскликнула Вика. — Если он так хочет именно тебя, он согласится. Ты же ассистент, а не рабыня. Даринка, соглашайся. Пожалуйста. Это шанс на другую жизнь.

Когда разговор закончился, Дарина еще долго сидела в темноте, сжимая в руке визитку. Вика права. Это шанс. И она не имеет права от него отказываться из-за своей гордости или страха перед мужчиной, который, в сущности, просто её работодатель.

Ночь прошла в полузабытьи. Ей снились панорамные окна офиса, которые превращались в прозрачные стены клетки, и зеленые глаза Романа, следящие за каждым её движением.

Утром Дарина проснулась с тяжелой головой, но с абсолютно ясным решением. Она подошла к зеркалу, привела в порядок свои пушистые волосы, заплела их в строгую косу и взяла телефон.

Гудки тянулись бесконечно долго. На пятом гудке трубку сняли.

— Слушаю, — голос Романа был низким, уверенным, пропитанным утренней энергией человека, который уже успел свернуть пару гор.

— Это Дарина Сиренева, — она сама удивилась тому, как твердо прозвучал её голос. — Доброе утро, Роман Алексеевич.

— Доброе, Дарина. Я ждал твоего звонка. Сутки еще не истекли. У тебя есть ответ?

— У меня есть условия, — отрезала она, чувствуя, как внутри всё напряглось, словно перед прыжком в ледяную воду. — Я согласна принять ваше предложение, но есть два важных для меня момента.

На том конце провода воцарилась короткая пауза. Дарина почти видела, как он удивленно приподнимает бровь, сидя в своем кожаном кресле.

— Слушаю тебя внимательно, — в его голосе проскользнули нотки любопытства, смешанного с азартом.

— Первое. Мне необходимо три раза в неделю по четыре часа в дневное время для посещения занятий в академии парикмахерского искусства. Мне осталось два месяца до финальных экзаменов, и я не собираюсь их бросать. Я буду отрабатывать это время вечером или в выходные, но учеба — это святое.

— Парикмахерское искусство? — Роман хмыкнул, и Дарина почувствовала, как её щеки обдало жаром. — Ладно. Три раза в неделю. Допустим. Какое второе условие?

— Второе, — Дарина сглотнула, сжимая телефон так, что побелели костяшки. — Наши отношения будут носить исключительно деловой характер. Никаких «других видов услуг», никаких предложений, выходящих за рамки трудового договора. Вы нанимаете ассистента, а не… — она запнулась, подбирая слово. — В общем, вы меня поняли.

Тишина затянулась. Дарина слышала свое собственное сердцебиение. Ей казалось, что сейчас он рассмеется и скажет, что передумал, что такая дерзкая девчонка ему не нужна. Но вместо этого Роман произнес очень спокойно:

— Что ж, у тебя деловая хватка, Дарина. И это именно то, что мне сейчас нужно. Я принимаю твои условия. Только деловые отношения и твое расписание под учебу. С одним «но»: в остальное время ты на связи двадцать четыре на семь. Мои задачи — твой приоритет.

— Согласна, — выдохнула она, чувствуя, как с плеч сваливается огромная гора.

— Приходи сегодня в два часа дня на оформление в отдел кадров. Лида тебя проводит. А завтра уже тебя начнут вводить в курс дела. И… Дарина?

— Да?

— Оставь свою серую форму в «Атлантике». Тебе пришлют список дресс-кода. Теперь ты — лицо моей приемной. До встречи.

Он отключился, а Дарина еще долго стояла, глядя на экран телефона.

«Боже, что я наделала?» — пронеслось в голове.

Она посмотрела на свои руки. Мозоли, трещинки, следы хлорки. Теперь эти руки будут держать папки с документами, ключи от дорогих машин и, возможно, ключи от её собственного будущего.

Она подошла к окну и распахнула его. В комнату ворвался шум города — живой, агрессивный, манящий. Дарина Сиренева больше не была горничной. Она стала ассистентом Романа Алексеевича. И она знала одно: этот «Шторм» не сломает её. Она должна научиться им управлять.

Деньги и перспективы и правда манили, но в глубине души она понимала: главная битва еще впереди. Битва за право остаться собой в мире, где всё имеет цену.

— Я справлюсь, — прошептала она своему отражению. — Салон того стоит.

Она начала собираться. Впереди был увольнение из отеля и трудоустройство в Шторм. Это были шаги в новую жизнь. Жизнь, где больше не было места тесноте Порушного, но было место борьбе, от которой захватывало дух.

Глава 12. Смена декораций

Первый день в новой жизни начался для Дарины не с запаха хлорки и резиновых перчат

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.